

18+

Арина Теплова

Витязь

Талисманы судьбы

Арина Теплова

Витязь

«Автор»

2019

Теплова А.

Витязь / А. Теплова — «Автор», 2019 — (Талисманы судьбы)

Эксклюзивно. Только на ЛитРес. 1812 год. Юная прелестная Лиза Николаева отдана замуж за богатого старика, который купил ее за деньги. Но девушка не желает мириться со своим неприятным замужеством и при известии о тяжелом ранении брата устремляется на театр военных действий, желая проститься с родным человеком до его смерти. Попав в засаду к французам, Лиза оказывается в опасности, но судьба посылает ей на помощь храброго офицера русской армии, Павла Корнилова, который сыграет в дальнейшей жизни девушки роковую роль... Каждая книга в серии "Талисманы судьбы" является самостоятельной историей, возможно прочтение книг в разном порядке.

© Теплова А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Пролог	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Война	9
Глава I. Наступление	10
Глава II. Раненая	18
Глава III. Лиза	23
Глава IV. Сашка	28
Глава V. Полк	35
Глава VI. Павел	39
Глава VII. Соблазн	44
Глава VIII. Полоцк	48
Глава IX. Земляника	54
Глава X. Свидание	60
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Арина Теплова

Витязь

Часто, испугавшись любви, мы бежим от нее, считая себя достаточно сильными, чтобы вытравить это чувство из своей души. Но после всех терзаний и борьбы... или падаем к ногам возлюбленного, или навсегда разрушаем свое сердце...

Забыть нельзя,

Вернуться невозможно,

Звезда любви

Сгорает надо мной.

Звезда любви —

Над грешной суетой,

Когда забыть нельзя,

Вернуться невозможно!

Слова К. Крастошевского

Пролог

Российская империя, Владимирская губерния,
усадьба Николаевых, 1812 год, апрель

Весна. Жаркий полдень апрельского дня. Юная всадница на рыжей лошадке с упоением вдыхала воздух, напоенный ароматами прелых листьев, свежей молодой травы, распаханной земли, ловила звуки пробуждающейся к жизни природы. Молодую грудь ее теснило чувство радости, ожидание чуда, как будто обещанного, но не свершенного. Теперь она ждала и верила всем своим добрым и наивным сердечком, что когда-нибудь судьба подарит ей некое чудо, чудо любви и нужности, удовольствие от самой жизни. А пока... Лиза прищипорила лошадь и галопом поскакала через луг к своему родовому гнезду, поместью покойного отца, где она проживала в тоске и одиночестве со своей мачехой, злой и не любившей ее женщиной.

– Наконец-то вы вернулись, дочь моя, – сделав недовольное лицо и хмуря брови, произнесла Ольга Григорьевна, едва в небольшую светлую гостиную вошла белокурая девушка лет девятнадцати.

– Простите, матушка, – отозвалась Лиза. – Я так увлеклась прогулкой верхом, что не заметила, как пролетело время, – ответила девушка и заискивающе улыбнулась.

– Василий Дмитриевич дожидался тебя почти до обеда. Да вот уехал только. Дела у него срочные, – сказала Ольга Григорьевна и, как-то натянуто улыбнувшись девушке, вымолвила: – Присядь со мною, дорогая.

Мадам Николаева похлопала ручкой рядом с собой по небольшому диванчику, на котором сидела. Девушка подошла и послушно опустилась рядом, быстро оправив свою простую амазонку серого цвета, чтобы та ненароком не задела прелестного лилового платья Ольги Григорьевны.

– Я вот о чем, Лиза. Много раз я говорила тебе, что твой отец по смерти своей оставил нас в долгах и сделал почти нищими, – произнесла желчно женщина.

– Да, матушка, я помню об этом.

– Ежедневно я проверяю счета и едва набираю нужные суммы, чтобы оплатить все наши расходы. Твой брат просто неблагодарный мальчишка! Прошло пять лет, как он уехал в столицу и с тех пор даже не удосужился написать нам о себе.

Лиза вежливо промолчала, думая про себя, что Петр часто присылал письма, но только ей. И тайно, через крестного, а затем через старого верного слугу передавал их Лизе. Ольга Григорьевна раздраженно продолжала:

– А я ведь знаю, что он носит неплохой чин в императорской армии и наверняка получает хорошее жалование. Отчего он совершенно не думает о нас? Отчего он не считает своим долгом хоть какую-то часть своего жалования отсылать нам на содержание имения?

– Я не знаю, матушка, – печально заметила Лиза и посмотрела на мачеху своими зелеными глазами цвета мяты.

– Разве он позабыл, как я заботилась о вас, когда ваш отец умер семь лет тому назад? Да и сейчас разве я не забочусь о тебе? Я всегда относилась к вам как к собственным детям. И что же взамен? Одна неблагодарность.

– Возможно, он не мог писать вам, оттого что был за границей? – предположила Лиза. – Как-никак, идет война с турками.

Девушка прекрасно знала, что брат находится в Силистрии со своим полком, но не смела признаться в этом мачехе, боясь вызвать ее гнев. Да, Ольга Григорьевна действительно старалась стать ей матерью все эти годы. Но у нее это плохо получалось. Не имея своих кровных детей, она считала, что знает достаточно о том, как воспитывать Лизу и ее брата Петра. Девять

лет назад, когда их покойный отец женился во второй раз на Ольге Григорьевне и привез ее в усадьбу, молодая жена сразу же начала вести себя словно полноправная властная хозяйка. Малейшее неповиновение слуг-крепостных или непослушание Лизы или Петра вызывало у Ольги Григорьевны сильный гнев. Она начинала истерику и кричала о том, что все в этом доме хотят от нее избавиться.

Поначалу мягкий Андрей Степанович, их отец, пытался успокоить и смягчить недовольство супруги. Однако Ольга Григорьевна оказалась своенравной, крикливой и жестокосердной женщиной, которая все делала по-своему. Через год, когда Андрей Степанович скоропостижно скончался, слуги начали говорить о том, что это новая жена извела хозяина своими истериками. Но маленькая Лиза, которой исполнилось всего десять, не хотела так думать. Ольга Григорьевна хоть и была строга к ней, но все же иногда приголубливала девочку и говорила с нею по душам. Лиза, лишившись матери еще в шестилетнем возрасте, очень хотела, чтобы у нее появилась новая мама. Хотя Ольга Григорьевна и была классической придирчивой мачехой, все же иногда и она бывала весьма приятной женщиной.

Однако такого мнения придерживалась только маленькая Лиза. Все домочадцы, слуги, соседи по округе, а также и ее старший брат Петр считали Ольгу Григорьевну весьма дурной, сварливой и злой особой, которая постоянно находила повод с кем-нибудь побраниться. Еще пять лет назад, вскоре после смерти отца, Петр, которому шел уже восемнадцатый год, покинул отцовское имение. Наедине он заявил Лизе, что лучше отправится солдатом на войну, чем будет жить под одной крышей с этой гадкой женщиной.

– Ну да ладно, будет о нем, – заметила Ольга Григорьевна и, внимательно посмотрев на девушку, сидящую рядом с ней, ласково продолжила: – Лизонька, а ты никогда не мечтала жить в большом доме в Петербурге? Иметь собственную шестерку лошадей, коляску, много слуг? Хотела бы посещать столичные шикарные балы? Каждый сезон обновлять старый гардероб на новый?

– Я даже не думала об этом, – опешила Лиза. – Да и зачем мне мечтать о подобном, если у меня никогда не будет этого?

– Глупости, – заметила Ольга Григорьевна и добавила: – Если захочешь, у тебя все это будет, поверь мне!

– Но каким образом? – спросила наивно девушка.

– Каким, каким, что ты у меня за глупышка, – как-то недовольно заметила Николаева. – Если ты удачно выйдешь замуж, сможешь купаться в роскоши!

– Замуж? За кого? – удивилась Лиза, и тут же ее словно осенило: – Неужели Василий Дмитриевич говорил с вами?

– Да, – кивнула довольная Ольга Григорьевна. – Он, оказывается, любит тебя и хочет жениться на тебе.

– Но я же просила его не говорить с вами, – пролепетала несчастно Лиза, вспомнив, как неделю назад в березовой роще этот неприятный старик подкараулил ее и без всяких предисловий признался в любви, сделав предложение стать его женой. У Лизы это признание вызвало не просто испуг, а приступ нервного удушья. Лишь на мгновение представив, как этот лысый старик с брюшком будет прикасаться к ней, девушка ощутила омерзение. Она тотчас заявила Арсеньеву, что не намерена выходить за него замуж. Тогда он, разозлившись, гневно заметил, что будет иметь разговор с ее мачехой. Испугавшись этого, Лиза, едва не плача, почти умоляла Василия Дмитриевича оставить ее в покое и ни о чем не говорить с Ольгой Григорьевной.

– Мало того, он обещал, что представит тебя самому императору Александру Павловичу! – продолжала с воодушевлением Ольга Григорьевна. – И, возможно, ты станешь фрейлиной при самой императрице!

– Но, матушка, я не хочу быть фрейлиной, – глухо пролепетала Лиза, осознавая, что даже за все богатства мира не желала бы по собственной воле выйти за этого мерзкого старика.

– Елизавета, что ты говоришь?! – воскликнула Ольга Григорьевна. – Я вот всегда мечтала побывать при дворе. А тебе выпадает такое счастье! Неужели ты не понимаешь? Ты будешь так богата, что сможешь не только покупать все, что тебе вздумается, но и ездить каждый сезон за границу на воды. И всего-то от тебя требуется выйти замуж за Василия Дмитриевича.

– Но он так стар.

– Не выдумывай! Ему всего пятьдесят с небольшим. И он очень хорошо выглядит. Я сказала ему, что подумаю над его предложением. Но, наверное, прямо сегодня отпишу ему, что мы согласны.

– Нет, матушка, прошу вас, – пролепетала в испуге Лиза, холодея при мысли об ужасном будущем, которое предвещала ей мачеха. Мысли девушки лихорадочно заметались в поисках выхода из этой ужасной ситуации. Петр, единственный, кто мог защитить ее от произвола мачехи, находился далеко. Вторым спасительным путем был побег из дома. Но куда бежать? Ведь ближайших родственников у Лизы не было. А дальние жили в Польше и в Севастополе. И Лиза их совершенно не знала. Друзей у нее тоже не было, ибо мачеха держала ее под постоянным присмотром и далее из усадьбы никуда не пускала. Единственным близким человеком для Лизы была Ольга Григорьевна. И теперь именно она хотела разрушить ее жизнь, отдав замуж за старика, который был старше ее почти на сорок лет.

– Не уподобляйся своему неблагодарному братцу, – сказала недовольно Ольга Григорьевна. – Тебе девятнадцать лет и пора замуж. Я решила, ты выйдешь за Василия Дмитриевича. Он для тебя лучшая партия. К тому же он обещал помочь мне оплатить все наши долги. Да и дать денег на благоустройство имения.

– Ольга Григорьевна, прошу вас, – взмолилась Лиза, и на ее глазах появились слезы.

– Елизавета, – вдруг зло заметила Ольга Григорьевна. – Ты что, хочешь огорчить меня? Я не советую тебе этого делать.

– Но не в моих силах будет полюбить его, – пролепетала девушка, и по ее щекам покапали прозрачные слезы.

– Вот еще, полюбить! Что за глупость? Я тоже не любила твоего отца, когда выходила за него замуж. Для женщины в браке любовь не главное, уж поверь мне. Главное, чтобы муж обеспечил тебе достойную жизнь. Я понимаю, пока что замужество пугает тебя. Но поверь, пройдет время, и ты смиришься со своею жизнью. Не ты первая, не ты последняя, кто выходит замуж за мужчину в возрасте. Тем более такие женихи даже лучше, чем молодые. Они знают, чего хотят. И поверь, Василий Дмитриевич будет любить тебя до конца жизни.

– Да уж, ведь ему осталось совсем немного, – вымолвила Лиза. И в тот же миг ее щека загорелась от пощечины, которую ей отвесила Ольга Григорьевна. Лиза охнула и невольно схватилась рукой за вспыхнувшее лицо.

– Как ты смеешь так говорить со мной, несносная девчонка?! Я столько для тебя сделала! А ты?! Свадьбу устроим в начале июня. Я все решила. А если посмеешь не подчиниться моей воле, можешь ступать прочь из этого дома! Только знай, обратно я тебя не приму и паспорта тебе не дам. Так что если и надумаешь бежать, то только до ближайшего исправника, уж поверь!

Из глаз Лизы хлынули слезы, и она выбежала из гостиной.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Война

Не гляди на ее запястья

И с плечей ее льющийся шелк.
Я искал в этой женщине счастья,
А нечаянно гибель нашел...

С. Есенин

Глава I. Наступление

Российская империя, Западная Двина,
1812 год, июль 11

Ротмистр третьего эскадрона, Павел Александрович Корнилов, верхом на караковом жеребце остановился на берегу реки. Обернувшись, Корнилов мрачно наблюдал за тем, как через реку вслед за ним переправляются верхом пятнадцать человек его роты. Едва последний гусар выбрался на берег, Павел сделал рукой знак Бибикову и, стараясь меньше шуметь, приблизился со своими людьми к густому орешнику, росшему у реки. Небольшой русский отряд старался производить меньше шума, чтобы не обнаружить своего присутствия перед французами, которые стояли лагерем неподалеку.

Через некоторое время к двум ротам присоединилась остальная часть эскадрона. Только после этого Корнилов подал определенный сигнал и с двумя своими людьми вклинился в заросли орешника. Они вернулись спустя несколько минут, и Павел передал по живой цепочке гусаров устное послание, которое через минуту достигло подполковника. Все обернулись на подполковника Ридигера, ожидая его приказа. Ридигер свел брови к переносице и вполголоса отчеканил:

– По словам Корнилова, французов около трехсот человек. Нас чуть более сотни. Внезапность – наша сила. Приказываю порубить особо буйных, остальных взять в плен. И неплохо бы парочку ихних офицеров в штаб к Петру Христиановичу доставить. Все уразумели? – спросил он уже тише. По глазам своих людей он отметил, что его поняли, и, вытянув саблю из ножен, гаркнул: – Пошли, ребята!

Эскадрон дружно закричал «вперед», поголовно обнажая сабли, и поскакал через заросли, атакуя лагерь наполеоновских войск, который был разбит всего в десятке метров от реки.

Жарким летом 1812 года западная территория Российской империи находилась под нашествием великой армии Наполеона. Перейдя Неман еще в июне месяце, войска Бонапарта вклинились в русские земли на десятки верст, намереваясь за считанные месяцы покорить эту огромную, дикую, наглую Россию, которая посмела отвергнуть дружбу могущественного полководца и императора всей Европы.

Павел сражался в ожесточенной кровавой схватке. Его конь умело гарцевал под ним, заученно повинаясь движениям ног всадника. Тяжелая сабля как будто срослась с его правой рукой и рубила направо и налево. От напряжения глаза Павла уже заливал горячий пот, но воин зорким взглядом отчетливо различал лица вражеских солдат. Синие ментики и доломаны его товарищей по полку, сражающихся бок о бок с ним, придавали ему сил.

В какой-то момент он заметил, как из высокой палатки выбежал военный. Мундир мужчины показался Павлу слишком роскошным и щегольским для простого солдата. Смекнув, что это офицер, Корнилов ударил саблей очередного француза, появившегося у него на пути, отметив, что противник с криком рухнул, закрывая лицо окровавленными руками. Мгновенно прищпорив коня, Павел галопом доскакал до палатки и нагнал офицера, который уже отъезжал верхом на белой лошади. Высокая темно-синяя треугольная шляпа с красным пером и мундир, украшенный аксельбантами, лишь на мгновение предстали перед Корниловым. Одним мощным ударом кулака Павел вышиб французского офицера из седла. Упав на землю, мужчина не сразу пришел в себя. Проворно соскочив с жеребца, Корнилов вновь нанес офицеру удар в челюсть. Отметив, что противник потерял сознание, он быстро обезоружил француза и засунул за свой пояс его саблю и пистолет. Связав ему руки его же аксельбантами, Корнилов отбросил офицера в сторону и мгновенно отразил удар летевшего на него солдата с саблей наперевес.

Внезапная атака русских увенчалась успехом. В плен было взято около сотни французов и столько же убито. Но более всех отличился Павел. Ведь именно ему удалось пленить одного из французских генералов, некоего Сен-Женье. Рапорт об удачной вылазке-атаке своего гусарского полка полковник Кульнев представил генералу Витгенштейну, особенно отметив заслуги Корнилова, который верно произвел разведку со своими людьми, был храбр в бою и взял в плен французского генерала.

Российская империя, Витебская губерния,
1812 год, июль 15

Карета вновь подскочила на ухабистой дороге. Лиза чуть отодвинула занавеску, осматривая вековые стволы деревьев, которые пробегали перед ее глазами. Вот уже почти неделю она держала путь на запад России, надеясь со дня на день достичь дислокации русских войск, которые удерживали вражескую армию корсиканца на северо-западе империи. Именно там, как она знала из письма Петра, находился гренадерский петербургский полк брата. Последнее письмо поручик Николаев отправил ей из Ковно, в котором известил девушку, что тяжело ранен в неравном бою.

Почти месяц назад Лиза вышла замуж за старика Арсеньева. Ее мачеха два месяца подряд не давала девушке спокойно жить, ежедневно по несколько часов кряду угрозами, увещеваниями и истериками допекая Лизу. В первый же день, еще весной, узнав о намерении Ольги Григорьевны выдать ее за Василия Дмитриевича, девушка написала брату в Петербург и в Силистрию, испрашивая у него совета и защиты. Ответное письмо она получила спустя месяц из-за границы. В нем Петр очень сожалел и печалился о судьбе сестры, но написал, что ничего не может сделать для нее, кроме как отписать ультимативное письмо мачехе, ибо в данный момент находится с важной военной миссией в Пруссии и приехать никак не может. Он писал, что Лиза должна сама решить эту проблему или хотя бы попытаться оттянуть злосчастную свадьбу до его возвращения. Однако Петр с горечью добавил в конце письма, что вовсе не знает, когда он сможет приехать, возможно, через полгода. Тогда, получив письмо от брата, Лиза впала в ужасное уныние. Единственный человек, способный избавить ее от ненавистного замужества, не в силах помочь ей, находясь на службе Родине.

Мачеха же не оставляла своего давления, и уже через несколько недель Лиза, осознавая, что жизнь ее стала просто невыносимой, все же сдалась и ответила, что готова выйти замуж за Арсеньева. Последним доводом в пользу этой женитьбы стал разговор Лизы с ее старой крепостной няней. Старушка сказала девушке, что замужние дамы гораздо вольнее, нежели девицы в родительском доме. Выйдя замуж и получив статус госпожи Арсеньевой, Лиза сможет жить так, как ей захочется, и полностью избавиться от ненавистной опеки и третирувания Ольги Григорьевны. Эти слова старой няни стали последней каплей для Лизы. И девушка согласилась на брак с Василием Дмитриевичем, надеясь на то, что сможет смириться с этим замужеством, а в дальнейшем будет сама строить свою жизнь.

Свадьбу сыграли в середине июня месяца. Сразу же после венчания Арсеньев отвез молодую жену в свое имение, которое находилось в той же волости, где и имение Николаевых. Именно туда и направились все гости после венчания на свадебный прием.

В конце того трагичного для Лизы вечера Ольга Григорьевна, счастливая и довольная крупными суммами, полученными от Арсеньева, и тем, что так удачно сбавила ненавистную падчерицу с рук, гадко улыбнувшись, заявила девушке:

– Надеюсь, ты будешь счастлива, Елизавета. Правда, я никогда тебя не любила, но все же ты была послушным ребенком и не доставляла много хлопот. Оттого я и терпела тебя многие годы под своей крышей.

Услышав такие слова от мачехи, Лиза была потрясена. На ее глазах выступили слезы. Она отчетливо поняла, как ее брат Петр был прав много лет назад, говоря о том, что Ольга Григорьевна никогда не любила ни их с братом, ни их отца, который сделал ей честь и взял за себя замуж ее, безродную дочь купца, которая свои первые тридцать лет жизни прозябала в глухой деревне под Смоленском. А теперь Ольга Григорьевна, видимо, считала, что усадьба их отца принадлежит только ей, а их с братом она терпела только из жалости.

Следующим потрясением в тот нескончаемый день для Лизы стала свадебная ночь. Весь день ее муж-старик не переставая вливал в себя игристое вино. И когда поздно вечером он ввалился в ее спальню со словами о том, что пришел исполнить свой супружеский долг, Лиза похолодела от ужаса. Она так и замерла в подвенечном платье, попятившись к шкафу, боялась даже предположить, что будет происходить далее. И, едва Василий Дмитриевич стал приближаться к ней, довольно ухмыляясь кривой улыбкой с гнилыми зубами и протягивая к ней руки, Лиза невольно уперлась спиной в стену, пытаясь отстраниться от мужа.

– О, прошу вас, дайте мне время привыкнуть к вам, – взмолилась она.

Арсеньев уже схватил ее в объятия и, обдавая девушку винным перегаром, пьяным голосом прохрипел:

– Не бойтесь, моя куколка, я буду ласков с вами...

Его губы впились в шею девушки слюнявым поцелуем. Лиза едва не лишилась чувств от омерзения и, закрыв глаза, дабы не видеть старую мерзко пьяную физиономию Арсеньева, начала молиться про себя о том, чтобы потерять сознание. Хотя Василий Дмитриевич еле стоял на ногах, все же он был еще довольно силен. Шатаясь, он чуть приподнял легкую стройную фигурку жены и потащил ее на кровать, а потом рухнул на постель вместе с девушкой. Лиза уже приготовилась к самому худшему. Но в тот миг, когда Арсеньев оказался на мягкой кровати, он вдруг вырубился от чрезмерно выпитого шампанского и захрапел.

Лиза опомнилась спустя лишь минуту. Увидев, что муж спит, она едва не лишилась чувств уже от радости. Она осторожно вылезла из-под тяжелого тела Арсеньева и встала, оправляя свадебное платье, которое он даже не успел расстегнуть. Отойдя от мужа, сильный храп которого раздавался на всю спальню, Лиза нервно стянула с головы фату. Забравшись в одно из кресел, стоявших у окна, она долго сидела и тихо плакала, смотря на белые стволы берез, которые шумели за окном. Предстоящее будущее казалось Лизе до того ужасным, что она не сомкнула глаз всю ночь. Так и не сняв свадебного платья, уже под утро она смогла, свернувшись калачиком в кресле, задремать.

Ее разбудил приветливый голос горничной:

– Барыня? Елизавета Андреевна, прошу вас, проснитесь.

Лиза открыла глаза и печально улыбнулась девушке с длинной темно-русой косой, в простом темном платье прислуги.

– Я пришла помочь вам одеться. Скоро полдень.

– Благодарю, – пролепетала Лиза удивленно, ибо совершенно не привыкла к чьей-либо помощи. – Как тебя зовут, милая?

– Матреной кличут, – поклонилась девушка. – Василий Дмитриевич велел мне при вас горничной быть. За вами ухаживать.

– Я поняла, – кивнула Лиза. Она встала с кресла и, озираясь по сторонам, испуганно осмотрелась. Арсеньева не было в спальне.

– А где Василий Дмитриевич? – не удержалась Лиза от вопроса.

– Барину очень плохо, – ответила, качая головой, горничная. – Вчера он много выпил. А ему нельзя пить. У него, знаете, начался... ну, как обычно у него бывает...

– Что? – опешила Лиза и чуть повернула лицо к Матрене, которая в тот момент расшнуровывала ее платье.

– Запой, – очень тихо сказала горничная. – Он в своей старой спальне, что на первом этаже. Когда он в таком состоянии, с ним только Прохор общается, его камердинер.

– Почему? – опешила Лиза.

– Так буйный барин становится, словно зверь. Может пришибить. Мы, как услышали поутру, как он кричит здесь, сразу же за Прохором побегли. Он Василия Дмитриевича и отвел в его спальню, чтобы он вас ненароком не обидел.

– Я вовсе не слышала.

– Вот и хорошо, что не слышали, барыня. Теперича, наверное, неделю, а то и две буянить да пить будет. Пока его кишки не заболят, а затем еще неделю болеть станет от подагры, которая у него воспаляется после этого.

– Как это все ужасно, – пролепетала Лиза, когда уже осталась в одной нижней юбке.

– Только и вам спокойнее, барыня, – заметила Матрена. – Вы такая красивая да молоденькая. Я-то понимаю, что не по своей воле вы за нашего хозяина вышли замуж. Все наши дворовые жалеют вас.

– Спасибо вам, – улыбнулась ей Лиза. – Могла бы я помыться?

– Конечно, барыня, – закивала ей Матрена. – Вы как, в ванне желаете, или баньку испить?

С того дня Лиза зажила вполне спокойно. Своего мужа она не видела. Лишь со слов Матрены она узнавала, что с ним происходит. Имение Арсеньева было намного обширнее, чем усадьба ее отца. У Арсеньева имелись собственная конюшня с несколькими десятками породистых лошадей, большой сад и даже небольшая библиотека. Все дни напролет Лиза проводила или в прогулках верхом, или в библиотеке. Лишь к концу второй недели запой у Василия Дмитриевича прекратился, и, как и предрекала Матрена, он заболел. В тот день, на исходе недели, Арсеньев зашел в гостиную, где находилась Лиза за вышиванием. Увидев мужа, девушка похолодела. Он выглядел вполне трезвым, однако дурной цвет лица выдавал болезненное состояние. Поцеловав ей ручку, Василий Дмитриевич начал извиняться за свое поведение. Лиза покорно молчала и думала только о том, чтобы он поскорее ушел. Уже через пять минут Арсеньеву стало дурно, и он, позвав слугу, велел снова послать за лекарем. После визита лекаря Василий Дмитриевич, заявив, что в этой глухой деревне не могут его вылечить, велел собирать вещи и завтра же ехать в Петербург, где, по его словам, лекари более способные.

Итак, в последних числах июня месяца Лиза вместе с мужем перебралась в столицу. Арсеньев, как и первые две недели, не беспокоил ее. И даже по пути в Петербург он ехал в отдельной карете со своим камердинером. На вопрос Лизы Матрена, что составляла девушке компанию в долгой дороге до столицы, ответила:

– Барина рвет постоянно. Вам же самой неприятно будет. А Прохор привык уж. Вот когда поправится Василий Дмитриевич, так и будете общаться с ним.

Именно в столице Лиза и узнала о начале войны с Наполеоном. Страшные известия запоздали и достигли Санкт-Петербурга только через несколько дней после вторжения французских войск на русские земли. Лиза постоянно просила рассказывать Василия Дмитриевича о том, что творится на границах империи, с замиранием сердца слушая о трагедиях, которые происходили у западных рубежей России.

Вскоре Арсеньев поправился и даже стал выходить на прогулки вместе с женой. За обедом он также составлял Лизе компанию, но все же постоянно жаловался на боли в подреберье. На супружеские права он не претендовал, и Лиза спала одна в большой обитой золотистым шелком спальне, каждый день молясь о том, чтобы ее жизнь так и продолжалась далее. Теперь она жила в шикарном особняке на Невском проспекте. В ее распоряжении были своя шестерка породистых скакунов, ложа в опере, многочисленные крепостные слуги, огромный годовой доход, изысканные наряды. Но все же она была несчастна. Да, ее муж не докучал ей, занимаясь своим здоровьем и приемами важных гостей в их особняке. Арсеньев ездил с визитами, куда

иногда сопровождала его Лиза, а также занимался по утрам делами в своем кабинете. Но все же Лиза ощущала, что ее жизнь погублена. Осознание того, что уже никогда не сможет полюбить молодого мужчину, от одного вида которого у нее будет рьяно биться сердце, а если даже и полюбит, никогда не сможет выйти за него замуж по любви, изводило девушку день и ночь.

Восьмого июля Лиза, возвратившись от портнихи, получила письмо от брата. Почерк был ей незнаком, и Лиза уже с первых строк поняла, что ей писал товарищ Петра. Из письма девушка узнала, что полк брата переведен в Россию для удержания позиций на границе империи. Его сослуживец также писал, что Петр Андреевич сильно ранен в голову в одном из первых сражений с французами при переправе через реку. В эту пору Николаев находился в полевом госпитале в крайне тяжелом состоянии, и доктора не верили в его выздоровление. Оттого он и решился просить товарища написать, вероятно, последнее письмо горячо любимой сестре.

Прочитав письмо, написанное рукой сослуживца Петра, несколько раз, Лиза ощутила, как ее сердце сжалось от боли. Любимый брат, единственный человек в этом мире, кто искренне любил ее и являлся невольным свидетелем той счастливой жизни, когда были живы ее родители, ныне лежал в предсмертной агонии. И, возможно, уже никогда она не сможет увидеть его. Выспросив у одного из камердинеров мужа, сколько по времени ехать до Ковно, откуда было получено письмо от Петра, Лиза во что бы то ни стало решила поехать к брату. Но она понимала, что Василий Дмитриевич никогда не отпустит ее на территорию военных действий. Для мужа Лиза сочинила историю о том, что скучает в столице по мачехе и хочет навестить ее. Василий Дмитриевич согласился на ее вояж в усадьбу Николаевых. Уже на следующий день Лиза в сопровождении шести слуг отправилась в путешествие.

Едва они выехали за верстовые столпы столицы, девушка велела конюху править в сторону Ковно. На его удивленный вопрос Лиза заявила, что они едут к ее брату и за молчание она обещает заплатить каждому из слуг по пятьдесят рублей по возвращении, если ее муж ничего не узнает.

И теперь ее путь приближался к концу. По словам последнего станционного смотрителя, до Ковно оставалось всего два дня пути, и Лиза с каждым днем все сильнее переживала. Девушка опасалась, что опоздает и ее брат умрет, до того как она успеет проститься с ним.

Корнилов и Васильчиков стремительно верхом на взмыленных лошадях пробирались сквозь редкий сосняк. Они возвращались из разведки, объехав почти десяток верст и выяснив, где находятся основные силы противника. Верхом два гусара в пыльных синих мундирах были почти незаметны, ибо старались двигаться среди деревьев, скрываясь за густыми елями. Сокращая, где можно, путь до расположения своего корпуса, они соблюдали крайнюю осторожность. Им надо было добраться до лагеря русских живыми, ибо от их ценных сведений зависели дальнейшие военные действия их корпуса. Гусары их полка являлись основной силой разведки. Они первые выходили на противника, порой принимая неравный бой с неприятелем, несли сторожевую службу и, конечно же, бились на полях сражений вместе со всем корпусом.

До лагеря русских оставалось всего несколько верст. Но, едва приблизившись к одной из лесных дорог, молодые люди увидели, как некая карета, видимо, следовавшая по дороге, подверглась нападению французских солдат. Корнилов сделал знак Васильчикову, и гусары резко остановились, укрывшись за невысокими сосенками, росшими у дороги. Не желая выдать себя, молодые люди замерли всего в двух десятках метрах от неприятной картины, которая открылась им.

Шестеро французских солдат в сине-белых мундирах дрались с четырьмя слугами-мужиками в богатых ливреях. Французы были вооружены саблями, а мужики лишь подручными палками и ножами. Павел, нахмурившись, смотрел на этот неравный бой всего минуту и отметил, что еще двое мертвых русских уже лежат на земле. Французы словно издевались и дружно

громко гоготали, крича по-французски, что русские медведи совершенно не умеют драться. В следующий миг дверца кареты открылась, и оттуда показалась женщина в темном платье.

– Не выходите, барыня! – крикнул один из слуг. Женщина, взвизгнув от удивления, мгновенно скрылась в экипаже, захлопнув дверцу. Это сразу же привлекло внимание двух французских солдат, и они бросились к карете, пытаясь сломать дверь.

– Поможем! – тут же громким шепотом произнес Васильчиков, обращаясь к Корнилову. Отчетливо понимая, что без их помощи французы перебьют всех остальных, Павел тихо выругался.

– Нет, – глухо прохрипел Корнилов, не спуская взора с француза, который добивал третьего слугу. – У нас в обрез времени до боя. Надобно срочно доставить донесение.

– Но как же? – произнес недовольно Васильчиков.

– Вот что, – в ту же секунду приняв решение, выпалил Корнилов. – Слушай приказ. Скачи один. Доставь донесение. Я сам здесь разберусь.

– Но как ты один?

– У меня рука лучше рубит. Как старший по званию приказываю – скачи один. Ну! Это приказ! – Павел гаркнул на Васильчикова и с силой ударил рукой по крупе его жеребца. А сам, обнажив саблю, понесся прямо на четверых французов, которые пытались добить последних двух мужиков. Васильчиков, отметив, что Корнилов прямо на ходу зарубил одного из французских солдат, присвистнул и полетел галопом вперед в нужном направлении.

Увидев дикого всадника в синей форме гусара с обнаженной саблей наперевес, четверо французов кинулись на него, бросив раненого слугу на землю. Пока Павел жестко раздельвался с окружившими его солдатами, один из французов пристрелил последнего мужика. Пытаясь затоптать неприятелей копытами своего жеребца, Корнилов увидел, как двое других французов, видимо, не заметив его нападения, ломали дверцу кареты, которая едва держалась. Зарывав, Павел вновь переключил внимание на трех солдат, которые пытались всадить в него лезвия сабель, но Корнилов умело отбивал их удары. Уже через несколько минут он, проведя подряд несколько умелых ударов саблей, зарубил насмерть одного из солдат, а вскоре тяжело ранил третьего, самого проворного француза.

Со стороны кареты вдруг раздался дикий женский крик, и Павел, обернувшись, увидел, что дверца сломана, а французов не видно. Похолодев от неприятного озноба, Корнилов нанес молниеносный мощный колющий удар саблей последнему неприятелю, и тот рухнул на землю, к ногам коня Корнилова, с кровавой раной на изуродованном лице. Ударив ногами в бока коня, Павел устремился к карете. На ходу выпрыгнув из седла, он рванул висящую сломанную дверцу, которая загоразживала ему проход, и невольно оторопел, застыв у подножки кареты.

Перед ним предстала омерзительная сцена: женщина в темном одеянии пыталась бороться с двумя солдатами, один из которых держал ее за руки, не давая ей вырваться и закрывая рот ладонью, а второй силился снять свои панталоны. Однако женщина изо всех сил яростно била ногами, попадая короткими ботиночками то по животу, то по ногам второго француза, который никак не мог справиться со своей одеждой.

Павел, отметив смелость женщины, которая, видимо, не собиралась становиться безропотной жертвой, ворвался внутрь и мощным ударом кулака саданул ближайшего француза. Схватив солдата за мундир, Корнилов выкинул француза из кареты, оглушив его ударом по голове рукоятью своей сабли. Когда повернулся обратно, он увидел в проеме двери второго француза, который, вытащив саблю, попытался оказать ему сопротивление. Невольно отметив, что женщина с криком забилась в дальний угол кареты, Корнилов увернулся от сабли врага и пнул его со всей силы по ногам. Француз рухнул, выпал из кареты и ударился головой об колесо. Павел тут же всадил ему в спину острие сабли.

Уже через миг Корнилов вновь запрыгнул в карету и вперился яростным мрачным взором в женщину, пытаясь понять, все ли с ней в порядке. Она так и сидела, забившись в угол,

прикрыв ладонями рот и поджав колени к животу. Словно испуганный зверек, она ошарашенно смотрела на него своими огромными ярко-зелеными глазами. Осознав, что перед ним юная прелестная девушка со светлыми волосами, Корнилов слегка опешил и умелым движением убрал саблю в ножны. Пальцы девушки были в крови, и Павел невольно подался в ее сторону и выдохнул над нею:

– Вы ранены?

Он бесцеремонно схватил кисти ее рук, оторвав их от ее рта, и развернул ладонями к себе.

– Нет, – произнесла девушка мелодичным голосом. – Это их кровь. Я расцарапала одному лицо.

– Вы не дадите себя в обиду, я уж понял, – вымолвил Корнилов, вспомнив момент, когда ворвался в карету и увидел, как она всеми силами сопротивлялась насильникам. Он отпустил ее ладони, вновь окинул взором красивое бледное лицо девушки, светло-золотистые переливающиеся волосы, необычные глаза невозможно сочного мятного оттенка и остановился на ее пересохших полных губах. На вид ей было лет восемнадцать. Мгновенно Павел осек себя. Было явно неприлично так долго глазеть на нее. Нахмурившись, Корнилов чуть отодвинулся от девушки. Он спрыгнул на землю, протягивая ей руку.

– Выходите, здесь нельзя оставаться, – скомандовал он.

Она вышла вслед за ним, опершись на его широкую ладонь, и печально произнесла:

– Благодарю вас. Если бы не вы...

– А, пустое, – отмахнулся Корнилов, подходя по очереди к ее слугам, распростертым на земле, и осматривая их. – Все мертвы, – вынес он вердикт, когда оглядел последнего. Поправляя саблю в португее, он выпрямился и обернулся к девушке, которая замерла рядом. Обхватив себя руками, она дикими ошалевшими глазами смотрела по сторонам на трупы.

– Это вы их? – вымолвила Лиза, указывая головой на солдат в бело-синей форме.

– Французов? – спросил Павел.

– Да, – пролепетала тихо она. – Как все ужасно...

– Они перебили всех ваших людей и вас едва не... – он замялся, не решившись сказать нечто непристойное при ней. Она казалась такой чистой и невинной. Павел нахмурился, осознавая, что, если бы он не оказался рядом, могла бы случиться трагедия не меньшая, чем смерть ее слуг.

– Вы не подумайте. Я очень благодарна вам, – вымолвила Лиза, не спуская пытливого взгляда с высокой подтянутой фигуры гусара. Она невольно остановила заинтересованный взор на его мужественном молодом лице. На вид ему было лет двадцать пять – тридцать. Высокий, широкоплечий, с давящим властным взглядом, он показался Лизе невозможно опасным и грозным. Он как-то странно пронзительно смотрел на нее и вдруг спросил:

– Позвольте узнать, куда вы ехали?

– В Ковно, – просто ответила она.

– Ковно занят французами. А здесь территория военных действий. Неужели вы не знали, что идет война?

– Знала, но... – она не договорила, как раздался выстрел.

Павел лишь успел обернуться на звук и в следующий миг заметил, как девушка напрялась и ее глаза распахнулись, а с губ сорвался испуганный возглас, через мгновение она начала оседать на землю, а на плече девушки расплзлось кровавое пятно. Он, не мешкая, бросился к ней и едва успел удержать от падения. Выстрел раздался вновь, и пуля просвистела над его ухом. Прощедив проклятье, Корнилов проворно и бережно положил бессознательную девушку на траву и стремительно развернулся. Один из французов, вероятно, только раненый им, вновь целился в него из пистолета. Павел в три прыжка налетел на солдата и, молниеносно выхватив саблю из ножен, одним умелым ударом перерезал французу горло. Бросив мертвого на землю,

Корнилов вытер саблю о мундир врага и убрал ее в портупею. Быстро вернувшись к девушке, неподвижно лежащей на траве, он, встав на колени, склонился над нею и приложил руку к ее шее. Она была жива, но без сознания.

– Мерзавец, – процедил Павел. Нахмурившись, молодой человек стал осматривать ее плечо. Кровавое пятно становилось все больше. Павел подумал: «Если ее быстро доставить в лазарет, то, возможно, она выживет. Но зачем она ехала в Ковно? Ведь кругом почти на всех дорогах в окрестностях можно наткнуться на французов».

Вдруг девушка распахнула глаза и непонимающим взглядом посмотрела на Корнилова, склонившегося над нею. Ее глаза насыщенного зеленого цвета показались Павлу огромными. «Ее взор проникает в самое нутро», – подумал он.

– Мое плечо... оно горит... – простонала она, едва шевеля пересохшими губами. – Прошу, помогите мне... как больно...

Она вновь потеряла сознание, прикрыв глаза.

– Вот напасть, – процедил Корнилов. Понимая, что нельзя терять ни секунды, он легко поднял девушку на руки и коротко свистнул. Его жеребец сию минуту оказался рядом, и молодой человек осторожно на вытянутых руках поднял девушку и положил ее на круп своего жеребца. Ловко вскочив в седло, Корнилов приподнял легкий стан незнакомки сильной рукой и, оперев ее на свою грудь, крепко обвил ее талию рукою, удерживая от падения. Пришпоривая своего коня, Павел устремился прочь с этой злосчастной поляны, недовольно бубня себе под нос: – Еще приключений мне не хватало...

Так и прижимая легкое бессознательное тело девушки к себе, Корнилов направил жеребца в сторону дислокации русских войск. Спустя полчаса он оставил девушку на попечение полевого доктора и галопом поскакал по направлению к штабу.

Глава II. Раненая

Весь последующий день у Павла не было ни секунды времени, чтобы узнать о здоровье незнакомки, которую он ненароком спас в лесу, ибо до поздней ночи не вылезал из седла, в очередной раз разведывая позиции французских войск по приказу командования. Лишь краткая фраза доктора Ковалю, когда он доставил ее в лазарет, о том, что девушка не умрет, чуть успокоила Корнилова.

Гродненский гусарский полк Кульнева, в котором нес службу Павел, входил в состав первого пехотного корпуса генерала Витгенштейна. В настоящий момент русские войска, выбитые еще в июне с Немана, отступали через Полоцк в глубину России. Главнокомандующий первой западной армией русских войск Барклай-де-Толли оставил корпус Витгенштейна прикрывать отход основных русских частей, а также отдал приказ оборонять и удержать дорогу на Санкт-Петербург. Располагая всего двадцатью тысячами солдат, генерал Витгенштейн противостоял более сильному противнику, французскому маршалу Удино, в распоряжении которого находилось двадцать восемь тысяч человек. Мало того, на помощь к Удино быстрым маршем шел десятый французский корпус генерала Макдональда численностью более тридцати тысяч. Русский корпус Витгенштейна был заведомо слабее любого из двух наступавших противников, которые пока были разрознены и, естественно, не могли устоять против соединенных сил.

Витгенштейн оказался в отчаянном положении. Опасаясь соединения двух сильнейших французских корпусов и понимая, что шансов спасти три свои немногочисленные дивизии у него очень мало, Витгенштейн решил атаковать Удино первым, считая внезапное нападение на противника, к которому еще не пришло подкрепление, единственным возможным выходом из сложившейся непростой ситуации. Пока французского маршала Макдональда задерживал под Ригой русский военный губернатор с восемнадцатью тысячами солдат, отдельные полки из корпуса Витгенштейна нападали на французские гарнизоны, не давая противнику расслабиться. Постоянные вылазки русских оканчивались в основном удачно, а двадцать третьего июля первая кавалерийская дивизия Каховского разбила несколько французских отрядов и взяла в плен полтысячи наполеоновских солдат.

Без продыху, с невероятными усилиями полки Витгенштейна в течение полутора недель не давали французам Удино опомниться, постоянно дерзко и смело нападая на позиции противника.

В тот же день, после спасения девушки, Корнилов с четырьмя эскадронами своего полка участвовал в очередном ночном налете на три конных полка французов. Даже двойное превосходство сил над русскими не дало французам ожидаемой победы. Семьсот русских конников опрокинули полторы тысячи солдат Удино за несколько часов ожесточенной схватки, перебив большую часть французов.

На рассвете, ошалевший от боя, огромного душевного напряжения, крови, падающий с ног от усталости, Корнилов ввалился в свою палатку, которую делил с подпоручиком Полянским. Осведомившись у своего денщика Сашки, где Андрей Илларионович, Павел рухнул на походную койку без сил и вмиг уснул, почти не услышав слов юноши о том, что подпоручик Полянский был вечером отправлен в штаб Барклая-де-Толли со срочной депешей.

Много позже Корнилов проснулся от шума, который создавал Сашка, сную по палатке туда-сюда, собирая разбросанные вещи и наводя порядок. Павел открыл глаза и, спросив денщика о времени, понял, что оно ближе к полудню. Он тут же вспомнил о девушке, которую спас накануне. Проворно встав, Корнилов быстро умылся, приходя в себя от ледяной воды. Сменив пыльный мундир, в котором проспал всю ночь, на чистый, молодой человек направился к палаткам военного лазарета.

Тусклый свет, проникающий снаружи, едва освещал палатку, и Павел, войдя, чуть постоял у входа, для того чтобы глаза привыкли к сумраку. Присмотревшись, он увидел, что доктор Коваль пытается отогнать раненых солдат от узкой койки, которая стояла немного в стороне от других.

– Немедленно вернитесь на свои места! – гневно заявил Аристарх Иванович. Солдаты нехотя поковыляли к своим койкам. Павел подошел к доктору и увидел, что на высокой кровати лежит девушка, которую он спас вчера. Заметив Корнилова, доктор Коваль жестом подзывал молодого человека. Встав в изголовье походной койки, где лежала, не двигаясь, девушка, Павел внимательно посмотрел на ее округлое лицо с закрытыми глазами.

– Как она? – спросил тихо Корнилов, не спуская напряженного взгляда с мертвенно-бледного прелестного лица незнакомки.

– Я вытащил пулю вчера. Сегодня она еще не приходила в себя. У нее небольшой жар, но, думаю, он не опасен. Возможно, недельки через две она поправится.

– Хорошо, – заметил Павел с облегчением и окинул заинтересованным взглядом девушку.

– Меня беспокоит другое, – продолжал так же тихо Аристарх Иванович. Корнилов вопросительно посмотрел на седого доктора. – Ее нельзя здесь оставлять. Мне постоянно приходится отгонять от нее солдат. Как только я отлучаюсь из палатки, они подходят и глазают на нее. И я хотел бы просить вас об одолжении.

– Да? – удивился Павел.

– Вы могли бы забрать девушку к себе в палатку, – предложил Коваль. – А то как бы чего дурного не вышло. Вы же знаете, какое оно, это мужичье. А в офицерской палатке места нет пока.

– Это невозможно, – опешил Корнилов от предложения доктора. – Тем более я живу там со своим денщиком и подпоручиком Полянским.

– Подпоручик, насколько мне известно, уехал. А на вас, Павел Александрович, я могу положиться. Вы дворянин и знаете о приличиях.

– Я не думаю, что это хорошая мысль, – пробурчал Корнилов, и его сердце отчего-то сильно забилось от одной мысли о том, что это прелестное юное создание, хоть и беспомощное, будет находиться в его палатке. – Возможно, вскоре после того, как мы поменяем позиции, я постараюсь найти в ближайшей деревне избу...

– Вы, наверное, не понимаете! – воскликнул Аристарх Иванович уже громче. – Девушка слишком красива, чтобы оставаться здесь.

Павел нахмурился, понимая, что доктор, скорее всего, прав. Вокруг идут постоянные боевые действия, и везде неразбериха. А девушка совершенно беспомощна. Оставлять ее в этой палатке с солдатами опасно. А у него в палатке можно поручить Сашке приглядывать за нею.

– Я попрошу Ксению Михайловну приходить, перевязывать больную, – сказал Коваль.

– Я подумаю над этим, – ответил медленно Павел, и опять его заинтересованный взгляд опустился на лицо девушки.

Доктор Коваль удовлетворенно похлопал молодого человека по плечу и вышел из палатки. Корнилов, оставшись рядом с раненой, переместился, заняв более удобное положение у ее кровати, чтобы разглядеть девушку. Чуть наклонив голову, он начал методично, внимательно изучать тонкие черты лица незнакомки. Ее прическа развалилась, и длинные густые пряди светло-золотистых волос обрамляли ее прелестное лицо. Она была очень бледна и тяжело дышала. Павел невольно задержал взгляд на ее красиво очерченных губах, как вдруг девушка открыла глаза. Увидев склонившегося над ней Корнилова, девушка еле слышно прошептала:

– Это вы? Благодарю вас, что спасли меня...

Павел смутился.

– Не стоит благодарности, – вымолвил Корнилов, нахмурившись и чуть выпрямившись. – Как вы оказались на военной территории?

– Я искала брата, – объяснила девушка. Она тяжело дышала, и Павел отчетливо заметил на ее лбу испарину. Поняв, что у нее жар, он глухо спросил:

– Что это еще за глупость? Искать человека, когда в округе идут боевые действия?

– Я хотела добраться до Ковно и найти лагерь наших войск, а затем разыскать брата. Он ранен, и я хотела... – через силу выговорила девушка.

– Уму непостижимо! – не удержался от возгласа Корнилов, перебив ее. – Вас могли бы убить, не окажись мы с Васильчиковым в этом треклятом лесу, – добавил он так громко, что солдаты, лежащие на койках рядом, с любопытством посмотрели на них. Отчего-то Павлу стало не по себе от одной мысли о том, что с ней могло что-нибудь случиться.

«И что мне до нее? – думал мрачно Корнилов. – Я ее вообще не знаю». Он всматривался в ее огромные зеленые глаза и все больше мрачнел. Чувствуя, что не хочет уходить от нее, он тихо спросил:

– Как ваше имя?

– Елизавета, – медленно прошептала девушка.

– А дальше? – настойчиво спросил Павел.

– Николаева Елизавета Андреевна.

– Поручик Николаев Петр Андреевич ваш брат? Вы его искали?

– Да. В последнем письме он написал, что смертельно ранен. Вы что-нибудь знаете о нем? – взволнованно спросила девушка.

– Немного. Да, он был ранен, – кивнул Павел, но, увидев, что ее лицо сделалось печальным, быстро добавил: – Но ныне с ним все в порядке. Насколько мне известно, в настоящее время он на дороге к Витебску при штабе Баркляя-де-Толли с отступающей армией.

– Тогда мне, наверное, надобно поехать в Витебск, – неуверенно произнесла Лиза.

– Не говорите глупостей! Это совершенно недопустимо, и опасно вам ехать одной, ибо все ваши люди перебиты. А сопровождения вам никто не даст. Идет война, и каждый солдат на счету, – воскликнул Павел, сам удивился своей горячности и уже тише добавил: – Я отпишу вашему брату. Он приедет за вами, как только ему позволят дела.

Лиза, не отрываясь, смотрела на этого темно-русого молодого человека в синем мундире. Его мужественное лицо светилось властью и силой. Нахмуренные темные брови, напряженно сжатые скулы и волевой подбородок выдавали в нем человека с твердым железным характером. Он заинтересованно и не отрываясь смотрел в ее лицо. Еще тогда, на дороге, она запомнила его глаза. Выразительные, глубокие и внимательные, обрамленные темными густыми ресницами, они невольно притягивали взгляд. Молодого человека можно было назвать симпатичным, если бы не хмурое выражение лица, которое придавало ему суровый вид.

– Благодарю вас, – прошептала Лиза и вымученно улыбнулась. Павел тупо уставился на ее губы, и мысль о желании поцеловать ее промелькнула в его голове, приводя мужчину в страшное смущение и неловкость. Поймав себя на этой мысли, Корнилов засуетился и быстро вымолвил:

– Вас нельзя здесь оставлять. Я переговорю с командующим. Если он разрешит, то вас перенесут в мою палатку.

– Благодарю.

– Пока еще не за что, – ответил Павел и, понимая, что уже достаточно долго стоит у постели больной, добавил: – Отдыхайте, не буду вам мешать.

Он повернулся, чтобы уйти.

– Простите, сударь! – окликнула его тихо Лиза. Он тут же обернулся. – Вы не сказали, как ваше имя?

– Корнилов Павел Александрович, ротмистр гродненского гусарского полка первого пехотного корпуса Витгенштейна.

Лиза в ответ только улыбнулась. Павел быстро вышел из палатки, ощущая непонятное волнение. Девушка посмотрела ему вслед и отметила, что он очень высок и широк в плечах. Она устало откинулась на подушку и закрыла глаза.

После ужина, едва выдалась свободная минута, Корнилов стремительно направился в штаб и, заведя генерал-майора Кульнева, окликнул его. Яков Петрович остановился и удивленно спросил:

– В чем дело, ротмистр? Хотите доложить о чем-то важном?

– Нет, ваше превосходительство. Позвольте обратиться к вам с просьбой.

– Слушаю, – приветливо сказал Яков Петрович, устало посмотрев на молодого человека.

Корнилов кратко изложил историю о том, как спас девушку, и об опасениях доктора Коваля. – Вы хотите, чтобы девушка находилась в вашей палатке? – спросил строго Кульнев. – Ну, это вовсе не годится! Ее немедленно надобно убрать из военного лагеря!

– Но Аристарх Иванович сказал, что ее нельзя пока перевозить, – ответил Павел. – Она сильно ранена. Ей нужен покой на неделю-другую.

– Хорошо. Но девице не место в общем лазарете среди солдат. Сестры милосердия под моим личным покровительством. А за эту девушку я не могу нести ответственности.

– Вот и я об этом говорю. В моей палатке денщик присмотрит за нею, чтобы порядок был. Как только смогу, я найду в ближайшей деревне избу, чтобы перевезти ее.

Яков Петрович строго посмотрел на молодого человека.

– Не нравится мне вся эта ситуация. Гражданским, да еще и девицам, не место на войне, если только они не сестры в лазарете. Но, раз уж так вышло, пусть остается, но в вашей палатке. Однако разрешаю это, ротмистр, только из-за благоволения к вашему брату, Александру Александровичу, с которым мы прошли всю последнюю турецкую кампанию и который мне как брат.

– Благодарю вас, ваше превосходительство, – почтительно сказал Павел, прикладывая два пальца правой руки к киверу, отдавая честь.

Вечером того же дня Корнилов собственноручно перенес Лизу в свою палатку, предварительно укутав ее в плащ. Ибо на девушке была лишь длинная ночная сорочка, которую ей отдала одна из сестер милосердия, служившая при полевом лазарете. Осторожно положив Лизу на походную койку Полянского, застеленную Сашкой свежим бельем, Павел, сняв с нее свой плащ, бережно накрыл ее до подбородка одеялом и удовлетворенно заметил:

– Отныне вы под моей защитой.

Лиза хотела спросить, что бы это значило, но побоялась уточнять. Очень тихо, смущенно она поинтересовалась:

– А ваш товарищ? Он скоро вернется?

– Через пару недель, наверное. Не волнуйтесь, к тому времени я что-нибудь придумаю. А теперь спите. Вам нужен покой.

Удовлетворившись таким ответом, Лиза послушно закрыла глаза, ощущая, что ее сознание то и дело отключается от реальности. Уже через миг впав в беспамятство, она даже не почувствовала, как Корнилов очень осторожно положил свою большую ладонь на ее лоб и, нахмурившись, отметил, что у нее опять жар. Отчего-то странное ощущение того, что его долг – непременно позаботиться об этой беззащитной девушке, не покидало Павла. Оно возникло неожиданно, именно после слов доктора Коваля, а в сию минуту завладело всем его существом.

Корнилов убрал руку со лба Лизы, не в силах заставить себя отойти от девушки, и начал рассматривать ее. Тонкие черты юного нежного лица с небольшим аккуратным носиком, округлыми щеками и полными яркими губами показались ему совершенными. Глаза ее, сейчас

закрытые, с пушистыми темными ресницами, правильно очерченными бровями, невольно притягивали взгляд, и он отчетливо вспомнил их необычный цвет. Насыщенного, сочного ярко-зеленого оттенка, словно у листочков полевой мяты. Переливающиеся пряди ее светлых волос растрепались и теперь свободно лежали густыми локонами, обрамляя ее головку.

Не удержавшись, молодой человек прикоснулся к ее волосам у виска, и его пальцы сразу же утонули в шелковистой мягкости золотистых локонов. Теплые, густые, невозможно нежные пряди, словно шелковистый поток, укрыли его ладонь, и Корнилов провел рукой до конца ее длинных волос. Дальнейший осмотр прелестницы, которую он так неожиданно спас, вызвал у Корнилова такой же неподдельный восторг. Даже под одеялом, которым он накрыл Лизу, угадывались стройные, притягательные выпуклости ее стана. Помня о невозможной легкости девушки, когда он нес ее на руках, Павел отчетливо отметил выступающие полушария ее груди под одеялом, среднего размера, округлой манящей формы. Тонкая талия и более полные бедра, стройные ноги, все это было отмечено его пытливым взором. Только спустя четверть часа Корнилов, сделав окончательный вывод о том, что еще никогда не встречал более совершенного создания, тяжело вздохнул и силой воли заставил себя отойти от девушки.

Памятуя о том, что ему еще надо помыться, Павел проворно разделся и шумно ополоснул плечи, лицо и спину в умывальнике. Стянув сапоги и сбросив строевые рейтузы, он в одних тонких темных лосинах растянулся на своей походной койке. Наутро ему вновь предстояло идти в бой в составе уже полного корпуса. Корнилов знал, что их авангард будет брошен на Удино первым. Затем уже включатся в бой основные силы русских. Как и в предыдущие две недели, сил у русских было намного меньше, чем у противника.

На следующий день Корнилов едва очнулся от короткого беспробудного сна и, повернувшись, заметил у постели больной сестру из полевого лазарета. Еще вчера Ксения Михайловна, одна из сестер милосердия, видимо, по просьбе Аристарха Ивановича, предложила свои услуги сиделки у кровати раненой девушки. Корнилов согласился, заметив, что щедро отблагодарит сестру за ее труды. К тому же своему денщику Сашке он велел также присматривать за Лизой.

Когда Корнилов проворно поднялся со своей походной койки, Ксения обернулась к нему и, призывно улыбнувшись, сказала:

– Доброе утро, Павел Александрович.

Молодой человек проигнорировал откровенный зазывный взгляд ее непривлекательных глаз и, начав натягивать на плечи рубашку, холодно произнес:

– Доброе. Как она?

– Жар спал, – тихо ответила Ксения. – Вы не волнуйтесь, я присмотрю за ней.

Павел лишь кивнул. Быстро он надел доломан, прикрепил шнуром к левому плечу ментик, повязал кушак на строевые рейтузы и надел короткие сапоги со шпорами. Захватив с собой портупею и кивер, он вышел из палатки. Памятуя о предстоящей жестокой схватке, Корнилов, не завтракая, сразу же вскочил в седло и направился в штаб.

В два часа дня русский авангард Кульнева, в котором находился и Корнилов, неожиданно столкнулся с французами возле деревни Якубово. Ожесточенный бой продолжался до конца дня. Русские пытались вытеснить противника из деревни, но после нескольких ожесточенных схваток французам все же удалось удержать деревню за собой. Назавтра было назначено более масштабное сражение уже со всеми силами русских и солдат Удино...

Глава III. Лиза

Спустя два дня Корнилов, уставший, голодный и чрезвычайно раздраженный от неудач последних боев, возвратился в лагерь уже под вечер. Третий день подряд их эскадроны никак не могли выполнить приказ Витгенштейна и выбить французов из Якубово. Павел мечтал скинуть с себя пропахший потом и кровью душащий его мундир, обтереться влажной тряпкой и съесть что-нибудь горячее. Спешившись у своей палатки, он привязал коня и направился ко входу, расстегивая глухой ворот доломана. Мысль о том, что сейчас он увидит Лизу, отчего-то вызвала на его лице сладостную ухмылку, и сердце забилось сильнее.

В этот миг из палатки ему навстречу вышла Ксения, высокая и статная, в сером платье и белом платке на голове. Увидев молодого человека, сестра из лазарета надменно произнесла:

– Павел Александрович, я хотела говорить с вами.

– Я слушаю вас, Ксения Михайловна, – сказал вежливо Павел с холодным выражением лица.

– Я более не намерена врачевать вашу девицу и тем более ухаживать за нею!

Она злобно посмотрела на Павла. Скользя холодным взглядом по ее недовольному лицу, Корнилов проигнорировал ее наглый взгляд, направленный на его губы. Ксении было лет тридцать, и с начала войны с французами она служила сестрой милосердия при лазарете. У нее был сварливый, неуживчивый и грубоватый нрав, и Павел не понимал, почему доктор Коваль предложил именно эту женщину в сиделки к Лизе. Последнее время Ксения упорно преследовала Корнилова своими манящими взглядами и кокетливыми улыбками.

Корнилов еле терпел эту женщину у себя в палатке. Он понимал, что Лиза будет смущена, если за ней станет ухаживать его крепостной слуга Сашка или он сам. Два раза в день Ксения делала перевязку Лизе, также переодевала и кормила раненую. Все эти три дня, едва появляясь в палатке, Павел старался не замечать всех игривых призывных взоров Ксении, которая уже давно пыталась обратить на себя его внимание. У Ксении было приятное лицо, темные небольшие глаза и ярко-рыжие волосы. Однако слава о ней как о легкодоступной и неразборчивой в связях женщине ходила по всему полку и доходила до Корнилова. Рядом с нею видели то одного, то другого офицера, которым она оказывала услуги интимного характера, совершенно не заботясь о своей репутации офицерской вдовы. Только за последний месяц Павел не раз слышал рассказы от солдат и офицеров о любвеобильности Ксении.

Корнилова никогда не привлекали женщины такого типа, которые могли так часто и легкомысленно менять любовников. Он ценил в женщине скромность, верность и чистоту души. А нынче модные, на французский манер, развязные нравы и фривольное поведение он считал совершенно неприемлемыми для порядочной дамы. Оттого довольно откровенные призывы и намеки Ксении он игнорировал, ибо не хотел иметь ничего общего с этой легкомысленной женщиной.

– В чем дело? – раздраженно спросил Павел.

– Мне прекрасно видно, какими глазами вы смотрите на эту девицу! – с ревностью во взгляде истерично воскликнула Ксения.

– К чему этот тон, мадам? Я ничем вам не обязан, – осек ее Павел, нахмурившись.

– Неужели вы подумали, что я согласилась ухаживать за нею по доброте своей? Или из-за ваших денег? Я согласилась на это, чтобы быть ближе к вам. Но, как оказалось, зря, для вас я пустое место, вы не замечаете меня!

– Ксения Михайловна, неужели вам не хватает внимания других солдат и офицеров, которые с радостью ответят на вашу благосклонность? – безразличным, усталым голосом сказал Корнилов. После тяжелого боя он еле стоял на ногах, а эта невыносимая женщина начала изливать на него потоки любовных притязаний.

– А мне нравитесь вы! – со страстью воскликнула Ксения и прижалась своей большой грудью к руке Корнилова, создавая между ними непозволительную близость.

– Опомнитесь, не кричите так громко, – уже злясь, процедил сквозь стиснутые зубы Павел.

– Мне все равно, Павел Александрович, вы такой... такой необычный. Едва я увидела вас тогда, еще в июне, сразу же поняла, что вы лучший из мужчин. Если бы вы только захотели, я бы могла быть верной вам... только вам...

– Довольно. Замолчите, – прервал ее Корнилов. Он резко отстранил Ксению от себя, ибо не мог уже терпеть присутствия этой развратной женщины и ее наглых прикосновений. Глядя ей в глаза, он с нескрываемым презрением ответил: – Мне, чтобы быть близким с женщиной, надобно, чтобы она нравилась и привлекала меня. Вы же, мадам, не извольте обижаться, не из этих женщин.

– Мерзавец, – процедила Ксения, отдернув свою руку. – Надеюсь, эта девка умрет!

– Я думаю, вам более не стоит присматривать за Елизаветой Андреевной, – хмурясь, сдержанно заметил Павел. – Еще чего дурное случится. Вечером я пришлю к вам своего денщика, он принесет деньги за ваши услуги.

– Мне ничего не надобно от вас, ротмистр! – яростно прошипела Ксения и, гордо подняв голову, направилась прочь от него.

Корнилов мрачно посмотрел ей вслед и, вздохнув, вошел внутрь палатки. Тут же взор его остановился на Лизе, которая полулежала на походной койке. Она не спала.

– Как вы? – спросил Павел коротко, приблизившись к ней и пробега взглядом по ее бледному лицу.

– Сегодня гораздо лучше, – тихо ответила Лиза и печально улыбнулась ему. Ощувив, что от ее улыбки сердце сильнее забилося, Корнилов вспомнил, как сегодня на рассвете он очень долго стоял у ее кровати и смотрел на нее спящую. В тот момент он думал о том, как ему хочется остаться с Лизой, но надо было выдвигаться на позиции. – Плечо почти не болит.

– Рад это слышать, – улыбнулся Павел. – Ксения Михайловна больше не будет ухаживать за вами. Я поручу моему денщику Сашке помогать вам. А Аристарх Иванович будет приходить перевязывать вас, я договорюсь с ним.

– Я не хочу быть обузой для вас, Павел Александрович. Саша вам самому нужен, – ответила ему Лиза, покраснев. – Я и сама могу...

– Не говорите глупостей! Аристарх Иванович велел вам лежать не менее недели, – начал Павел наставительно. – Неужели вы не хотите скорее поправиться?

– Вы так добры ко мне, – прошептала Лиза и посмотрела на него с такой нежностью и благодарностью, что Корнилов начал нервно теребить пуговицу на мундире.

– Проходя мимо кухни, я унюхал вкусный запах щей, – заметил Павел, снимая ментик. – Хотите?

– Да, наверное, – кивнула Лиза, чувствуя отчего-то неловкость.

– Вы поужинаете со мной? – спросил он тоном, исключавшим любое возражение. – Я прикажу Сашке накрыть стол у вашей постели, и мы побеседуем. А то последние дни у меня не было времени. Я ведь ничего не знаю о вас.

– Как вам будет угодно, Павел Александрович, – ответила Лиза мягко.

Павел подошел к умывальнику и увидел, что нет воды. Выругавшись, он выглянул наружу из палатки и крикнул Сашку. Затем вновь вошел внутрь, ворча о том, что его слуга ничего не делает вовремя. Через миг в палатку влетел юноша лет пятнадцати, крепостной Корнилова, который был денщиком и конюхом в одном лице.

– Натаскай воды в умывальник! – приказал Корнилов. – И щи принеси, нам поесть с Елизаветой Андреевной надо.

– Я быстро, – кивнул Сашка и бросился выполнять приказ Корнилова. Спустя пару минут, налив воды, юноша умчался на полевую кухню. Павел стянул с себя кушак, доломан, рубашку и, оставшись в одних синих рейтузах, стал, шумно отфыркиваясь, умываться. Быстро намылив лицо, он ополоснул его водой, а затем начал методично намыливать шею, плечи и грудь. При каждом движении напряженных мускулистых рук по мощной загорелой спине перекатывались холмики хорошо развитых мышц.

Вся эта сцена до крайности поразила и впечатлила Лизу. Никогда она не встречала, да что уж там, никогда не видела так мощно и великолепно сложенного молодого мужчину. Она невольно уставилась на мощный рельефный торс Павла, ощущая, как по ее телу быстрее побежала кровь. Да, она прекрасно понимала – необходимо отвернуться, ибо это было неприлично, смотреть на полуобнаженного постороннего мужчину, но не могла этого сделать. Словно загипнотизированная, она не отрываясь глядела на это великолепное зрелище и ощущала, что еще никогда не видела подобного молодого человека.

Ей вдруг подумалось, что Корнилову совершенно не знакомы правила приличий. Даже не спросив ее позволения, он так просто разделся до пояса и начал мыться, не заботясь о том, что она увидит его полуобнаженным. Однако Лиза, недолго думая, нашла оправдание его непростительному поведению. Он был солдатом. Здесь, на войне, в походных условиях жизни все по-простому. Тем более она была гостьей в его палатке.

Увидев, что он заканчивает, Лиза отвернулась, закрыв глаза, чтобы Корнилов не заметил, как она тайком смотрела на него. Павел вытерся и натянул на себя белую рубаху с косым воротом на мужицкий манер.

– Вы не возражаете, если я буду ужинать, одевшись по-простому? – спросил он приятным баритоном и улыбнулся ей. Лиза повернула к нему голову. Он уже стоял рядом с нею, бесцеремонно рассматривая лицо.

– Вовсе нет, – произнесла смущенно Лиза, отводя глаза. Его напряженный горящий взор был слишком красноречив, и у нее зарделись щеки. Ощущение того, что Корнилов явно неравнодушен к ней, не покидало девушку все последние дни. Однако ни словом, ни намеком Павел не переходил грань дозволенного приличиями.

Вошел Сашка с подносом, на котором красовались две глубокие жестяные миски со щами и несколькими кусками ржаного хлеба. Поставив поднос на походный столик, юноша хотел уже убраться восвояси, но Павел, чуть повернувшись в его сторону, окликнул:

– Сашка! Накорми Рьяного, он голоден и почисти его. – Затем Корнилов вновь повернулся к Лизе и наклонился над нею. – Я помогу вам, Елизавета Андреевна, – сказал он властно. Просунув руку под ее спину, он приподнял ее, усадив на постели. Чтобы девушке было удобно есть, он подложил под ее спину подушку. Придвинув к ее койке короткую лавку, он взял миску с наваристыми щами и придвинулся к Лизе, видимо, собираясь собственноручно кормить девушку. Отметив, что Сашка все еще в палатке, Павел обернулся к нему и произнес: – И долго ты будешь пялиться? Делай свое дело!

Сашка недовольным взглядом окинул Лизу и Корнилова и поплелся на улицу.

Лиза молча открывала рот, дрожа от напряжения. Этот большой, суровый мужчина кормил ее с ложки, будто она была маленьким ребенком. Абсурдность ситуации напрягала ее. Все это время ее кормила Ксения, и теперь Корнилов в роли сиделки казался Лизе просто неприемлемым. Спустя некоторое время, когда Лиза, насытившись, отказалась от еды, Павел принялся за свою порцию. Позже он внимательно посмотрел на девушку и произнес:

– Сегодня я ездил к тому месту, где на вас напали. К сожалению, там уже побывали мародеры. Осталась только часть ваших вещей: пара платьев да по мелочи. Я привез коробку с тем, что нашел. Она здесь, в углу. У вас, наверное, были драгоценности?

– Да, несколько колец и серьги. Их забрали у меня те французы, что... – замялась Лиза, судорожно сглотнув, вспоминая о том страшном дне. Она задумалась. Обручальное кольцо,

которое надел ей при венчании Арсеньев, не пробыло на ее пальчике и двух месяцев и было украдено при ужасных обстоятельствах сначала французскими солдатами, а нынче мароде-рами. В это время Павел подошел к своей портупее и, порывшись в походной сумке-ташке, достал оттуда нечто, завернутое в носовой платок. Приблизившись к Лизе, он развернул сверток и протянул ей две вещи.

– Нашел только медальон да маленькую шкатулку. Они ваши?

– Да, – радостно воскликнула Лиза, беря из рук Павла вещицы и прижимая их к сердцу. – Я было подумала, что уже не увижу их. Благодарю вас от всего сердца. Это память о моих покойных родителях.

Она покрутила музыкальную шкатулку в руках, привычно погладив ее пальчиками. Осторожно положив вещицу рядом с собою под одеяло, Лиза подумала о том, что на шкатулку, очевидно, не позарились, так как не знали, что это тайничок с потайным дном, в котором было спрятано ее самое большое сокровище – драгоценная изумрудная брошь-муха ее матери величиной с половину ладони. Затем она открыла оловянный медальон и с любовью посмотрела на родные лица давно ушедших от нее людей.

– Вы позволите? – спросил Павел тихо, протягивая руку.

– Конечно, – кивнула Лиза и протянула Корнилову медальон, в котором находились портреты ее родителей.

– Вы очень похожи на мать, – сделал вывод Павел, отдавая девушке медальон. – Я ездил с двумя своими парнями. Они помогли мне закопать мертвых.

– Спасибо вам за заботу, но не надобно было, – она ласково улыбнулась ему. – У вас наверняка много дел. А тут еще и я свалилась вам как снег на голову...

– Вы не обременяете меня, Елизавета Андреевна, – тихо заметил Корнилов, смутившись от ее улыбки. – Я беспокоился, что у вас вовсе нет одежды. Все-таки не дело вам постоянно быть в двух рубашках, которые дали сестры, да в разорванном платье, в котором вы были при нападении. Я попросил Сашку выстирать все ваши вещи.

Он отошел от нее и, сняв портупею с крюка, уселся на скамью, стоявшую неподалеку от кровати Лизы. Достав саблю и пистолеты и разложив их перед собой на лавку, молодой человек принялся умело их чистить. Лиза видела, как он искусно, аккуратно обращается с оружием, и из вежливости тихо полулежала на кровати, наблюдая за тем, что он делает.

– Расскажите мне о своем детстве, о вашей семье, – произнес вдруг Павел, бросив на девушку быстрый пронзительный взгляд, и вновь принялся чистить оружие.

– К сожалению, мое детство нельзя назвать радостным... – печально начала Лиза. Она кратко рассказала о своей жизни, сознательно умолчав о том, что месяц назад вышла замуж за Арсеньева. Отчего-то горькая правда о том, что у нее есть муж, не смогла сорваться с ее губ. Осознание того, что Павел не должен этого знать, поселилось в ее душе сразу же после встречи с ним. Лиза рассказала свою жизнь кратко и до того момента, как вышла замуж за Арсеньева. Во время ее рассказа Корнилов не перебивал, внимательно слушая девушку. А вскоре, вообще отложив саблю, уставился на Лизу своими пронзительными внимательными глазами, словно пытался запомнить каждое ее слово. Когда она закончила, он долго молчал, так и не спуская с нее серо-зеленого взора. Лиза не понимала, отчего он так упорно молчит и лишь неотрывно смотрит на нее, приводя в смущение.

– Вы позволите, я лягу? – спросила она его. Корнилов молча кивнул. Лиза опустила подушку и легла ниже, облегченно вздохнув, скрывшись от его поглощающего напряженного взгляда. Прикрыв от усталости глаза, она услышала, как он вновь начал чистить оружие.

Спустя час, когда уже стемнело, Лизе сильно захотелось справить нужду. В тот момент в палатке находились и Корнилов, который делал записи в своей походной книжке, сидя на койке, и Сашка, который тихо начищал сапоги Павла. Раньше она ходила в небольшое корыто, стоявшее у кровати, которое Ксения выносила за нею. Но в данный момент Лиза совершенно

не могла представить, как быть сейчас. Единственно правильное решение возникло у нее, и она осторожно села на койке. Дотянувшись до платья, которое лежало у нее в ногах на койке, она попыталась надеть его через голову. Это заметил Корнилов и, вскочив, приблизился к ней.

– Вы что-то хотите? – спросил он. – Зачем вам платье?

– Мне надобно на двор, – страшно смущаясь, пробормотала Лиза, сгорая от стыда, которого еще никогда в жизни не испытывала.

– Есть корыто, давайте я достану, а затем уберу, – сказал Павел просто, наклоняясь за нужной вещью.

– Нет, – нервно пролепетала она, останавливая его рукой. – Прошу вас. Я оденусь и выйду.

– Что это еще за блажь? – опешил он и попытался отобрать у нее платье. Но Лиза прижала вещь к себе и поджала упрямо губы. Нахмурившись, Корнилов властно сказал: – Вам нельзя вставать. Не выдумывайте. Если вам угодно, мы с Сашкой выйдем.

– Я не могу это делать здесь, неужели вы не понимаете? – слезливо воскликнула Лиза, покраснев от стыда до кончиков ушей и чувствуя, что никогда не позволит Сашке или Корнилову убирать за собой помойное корытце.

– Елизавета Андреевна, поймите, нет ничего зазорного в этом. Вы больны. Я... – он осекся, ибо увидел, что в ее огромных глазах выступили слезы. Осознав, что девушка до того скромна и невинна, что даже не может допустить мысли, чтобы они убирали за ней, Павел нахмурился и глухо сказал: – Ну хорошо, я помогу вам одеться. А затем отнесу вас до ближайших деревьев, вы согласны? – Облегчение отразилось на ее лице, и она кивнула. – Возьмете мой плащ. Платье вам еще тяжело надевать.

Павел нагнулся и, достав ее ботиночки, которые стояли рядом, наклонился и без предисловий начал надевать их Лизе на обнаженные ноги. Лиза попыталась протестовать и забрать у него обувь, но в ту же секунду, ощутив дикую боль в плече, застонала. Павел грозно посмотрел на нее и заметил:

– Прекратите. Я сам надену их. Или оставлю вас здесь. Выбирайте.

Она поджала губы под его властным взглядом и, поняв, что должна уступить, сама протянула ему ногу. Он быстро надел ей обувь и, выпрямившись, снял с гвоздя свой длинный летний плащ. Накинув его на девушку, он проворно подхватил ее на руки и вынес из палатки. Идти было недалеко, через несколько минут он донес Лизу на руках до ближайшего высокого кустарника и отошел на почтительное расстояние, заявив:

– Как закончите, позовите меня.

Лиза облегчилась, сама вышла из-за деревьев и медленно пошла обратно. Стиснув зубы, она ощущала, как при каждом шаге боль в ее ране отдает по всему телу. Она не успела сделать и десяти шагов, как Павел заметил ее приближение и в три быстрых шага оказался рядом.

– До чего вы упрямая, – проворчал он, подхватывая ее на руки. – Одна морока с вами...

– Возможно, мне уже можно обратно в общую палатку вернуться? – спросила Лиза тихо, пока он нес ее обратно. – Я, наверное, утомила вас, а там хоть сестры...

– Еще чего выдумаете? – перебил он ее, обратив на нее испепеляющий взор. – Я уже говорил, что вы не в тягость мне, Елизавета Андреевна. Только ваше упрямство злит меня, неужели непонятно?

На следующий день Аристарх Иванович, осмотрев рану девушки, заметил, что края чуть разошлись и повязка намокла от крови, сказав, что это бывает при напряжении, и напомнил о необходимости постельного режима. На это Лиза промолчала и лишь попросила не говорить ничего Корнилову.

С того дня, невозможно стесняясь Сашку и уж тем более Корнилова, Лиза, преодолевая боль, сама надевала одно из трех платьев, которые были у нее, и выходила на улицу для отправления нужд. Несмотря на ворчание Павла, которому все же два раза в день, утром и вечером, удавалось переносить ее на руках, в остальное время Лиза сама ходила в ближайший лес.

Глава IV. Сашка

Российская империя, Витебская губерния, д. Клястицы,
1812 год, июль 20

Через день авангард русских войск под командованием Кульнева вновь столкнулся с французами возле деревни Якубово. Рота Павла, как и два дня назад, со всем эскадроном участвовала в бою. После нескольких атак и контратак русскому корпусу Витгенштейна все же удалось захватить Якубово. Удино со своей французской армией был вынужден отступить к деревне Клястицы. Русские продолжили атаку, намереваясь далее бить французов и взять Клястицы. Однако им преграждала путь река Нища. Отходя, французы подожгли единственный мост через эту реку, надеясь таким образом остановить наступление противника. К тому же Удино расположил на противоположном берегу реки мощную батарею, которая не переставая атаковала русских из пушек.

Перегруппировав войска, Витгенштейн приказал переправляться через реку. Часть русского корпуса сместилась чуть правее и решила перейти реку вброд. Рота же Павла, которой он командовал, оказалась как раз напротив горящего моста. С ними к реке подошел батальон гренадерского полка. Понимая, что время уходит и основные силы французов вот-вот скроются от преследования, Корнилов, увидев, что половина моста полыхает огнем, привстал на стременах и надсадно закричал:

– Вперед, братцы! Не дадим вражинам уйти!

Он выхватил саблю из ножен и поскакал первым к горящему, с поднимающимися к небу облаками черного дыма мосту. За ним с воинственным кличем последовали семнадцать всадников его роты, смешавшись с бегущими рядом русскими гренадерами. По горящему мосту, словно безумные, окутанные дымом и копотью, под летящими с жутким воем и визгом смертоносными ядрами французской батареи, гусары и гренадеры, возглавляемые Корниловым, прорвались через горящий мост, словно вихрь, сметая на своем пути вражескую батарею на противоположном берегу. Французы, явно не ожидавшие такого неразумного, отчаянного и вместе с тем отважного и дерзкого поступка от русских солдат и кавалерии, которые невредимыми совершили прорыв по горящему мосту, в панике обратились в бегство, бросая орудия и личное оружие.

Уже спустя четверть часа Кульнев с основной частью своего полка, преодолев реку вброд, соединился с остальным русским корпусом воедино. С двумя кавалерийскими полками, пехотным батальоном и артиллерийской батареей Кульнев преследовал противника дальше. Корнилов со своей ротой в составе эскадрона майора П. также участвовал в преследовании, атакуя отступающие части войск Удино. Однако к вечеру, приблизившись к деревне Боярщино, Кульнев, преследуя врага со всем своим авангардом и драгунами, натолкнулся на главные силы Удино и попал под прямой пушечный огонь хорошо замаскированной стоящей на холме французской батареи. В авангард русских полетели смертоносные ядра, подкосившие многих. Дым, грохот взрывов, летящие к небу султаны комьев земли, картечь в рядах беспорядочно отступающей конницы, кровь и стоны раненых, умоляющих о помощи, дикое ржание лошадей, мечущихся без седоков, сотни убитых – все это являло картину беспощадного расстрела и сокрушало дух русского воинства.

Павел чудом не попал в эту переделку, только оттого, что в это время, потеряв смертельно раненого коня, он отстал от своего полка. Ему пришлось рубиться саблей пешим, посылая направо и налево смерть французским солдатам. Когда же спустя четверть часа Корнилов, сбросив одного из французских кавалеристов из седла, забрал его жеребца и вновь догнал свой полк, он увидел, что на подступах к высотам произошла кровавая бойня. Кругом было

множество убитых и тяжело раненных его товарищей. Да, высоты были взяты подошедшим подкреплением русских войск, но какой страшной ценой. К исходу атаки стало известно, что генерал Кульнев тоже смертельно ранен пушечным ядром, оторвавшим ему ноги. Спустя час генерал-майор Яков Петрович Кульнев скончался от полученных ран на руках командиров своего гусарского полка.

Второй части корпуса Витгенштейна повезло больше. Им удалось доблестно разбить французские дивизии генерала Вердье при селе Головчице. Уже к вечеру русские сокрушительным ударом разгромили основную часть войск Удино, который был вынужден отступить за Двину, оставив за собой укрепленный Полоцк. Первый пехотный корпус Витгенштейна совершил невозможное: более малочисленным составом своих войск он смог остановить продвижение французов на Петербург, потеряв при этом около четырех тысяч русских воинов. Потери французов были гораздо большими, свыше десяти тысяч убитыми. Три тысячи французов оказались в плену. Семнадцать тысяч русских солдат и офицеров корпуса Витгенштейна, благодаря своему мужеству, стойкости и силе духа, одержали безоговорочную победу над двадцативосьмитысячной армией Удино в кровавом и ожесточенном бою под деревней Клястицы.

В тот вечер Павел, убитый горем, вернулся в лагерь в подавленном, удрученном настроении. Кульнев, его кумир, начальник, командир и просто душевный человек, благодаря которому он с доблестью служил в своем полку более пяти лет, сегодня был убит. Это обстоятельство угнетало Павла. Тяжесть потери лежала на сердце Павла, и он думал о том, как безжалостна и несправедлива жизнь, если уходят в небытие такие светлые люди, как Яков Петрович.

Корнилов спешил к своей палатке и быстрым движением руки смахнул с брови струйку крови, заливающую глаз. Его висок был разбит от удара рукоятью сабли одного из французских солдат. Павел прекрасно осознавал, что завтра появится большой синяк, но это мало беспокоило его. Ибо он думал о том, что сегодня в продолжительной многочасовой атаке он потерял двух лучших друзей, гусаров из своей роты. Четверо были тяжело ранены. Где-то в глубине души он ощущал свою вину за то, что не смог помочь и защитить их.

Единственная светлая мысль Павла, когда он возвращался в лагерь, была о Лизе. Образ девушки, такой притягательный, желанный и недоступный, в последнее время постоянно бередил его мысли. Павел ощущал, что присутствие Лизы в его походной палатке – словно некое чудо, лучик света в кошмаре общего хаоса и смерти, который окружал его.

Павел тихо вошел в палатку, опасаясь того, что Лиза спит. Но перед его глазами предстала другая картина, которую он менее всего ожидал увидеть. Сашка сидел рядом с кроватью девушки и пытался по слогам читать походную библию. Лиза, чуть приподнявшись на локте, поправляла его. Эта идиллия между молодыми людьми, которые даже не заметили его присутствия, показалась Павлу невозможно неправильной и кощунственной. День и так был адски тяжелым и кровавым, а еще и это. Корнилов думал, что Сашка будет недоволен новым поручением относительно ухода за раненой девушкой. Но пятнадцатилетний парнишка с удовольствием заботился о Лизе, и уж больно усердно. Когда бы Павел ни зашел в палатку в последние два дня, он заставал там Сашку, который крутился возле девушки. Осознавая, что из-за этого юноша стал отлынивать от своих прямых обязанностей, таких как уход за его лошадью, чистка одежды, подача еды и уборка в палатке, Павел негодуяше уставился на Сашку и громко рявкнул:

– Сашка, черт! Почему не встречаешь? Я уже четверть часа ищу тебя.

– Прощения просим, ваше благородие, – выпалил Сашка, вскакивая на ноги.

Корнилов, проходя в палатку, отрывисто скомандовал:

– Рьяного убили. Я привел нового жеребца, накорми его, да побыстрее. Через час мне надобно быть у Каховского на сборе.

Сашка, бросив извиняющийся взгляд на оторопевшую Лизу, бросился выполнять приказ Корнилова. Оставшись наедине с девушкой, которая как будто вся съежилась под его грозным недовольным взглядом, Павел ощутил, что его переполняет чувство обиды и вопиющей несправедливости. Еще утром Лиза не позволила Корнилову кормить себя. Она настояла на том, чтобы есть самой, заявив, что ей неудобно принимать помощь от Павла, и изобразив на своем прелестном личике упертое выражение. А сегодня, значит, она проводила время в обществе его денщика и была весьма довольна его компанией. Павел отчетливо увидел расслабленное, умиротворенное выражение на ее лице, едва зашел в палатку.

– Павел Александрович, вы ранены? – обеспокоенно спросила Лиза, увидев кровь на виске Корнилова. Молодой человек выглядел измотанным и недовольным. Весь в пятнах свежей крови, разорванный на боку доломан и грязные строевые рейтузы наводили на мысль, что их владелец сегодня побывал в жестокой и кровавой схватке.

Корнилов оставил без внимания вопрос этой вертихвостки и, прищурившись, прошелся темным взглядом по фигурке девушки в темном простом платье и обнаженных ступням ее ног. Решив разобраться с ней позже, он развернулся и решительным шагом вышел из палатки. Сейчас главным было поставить на место и припугнуть обнаглевшего мальчишку.

Когда Павел вышел наружу, шел сильный дождь. Он отыскал глазами юношу и, приблизившись к нему, раздраженно заметил:

– Прекрати так ревностно ходить за Елизаветой Андреевной! Займись лучше своими прямыми делами.

Павел ощущал, как струйки воды текут по его лицу, перемешиваясь с запекшейся кровью на его виске. Он зло посмотрел в голубые глаза стройного юноши, который был почти одного с ним роста.

– Ваше благородие, но вы сами... – начал было Сашка, но Корнилов перебил его.

– Ты думаешь, мне не видно, как ты все время околачиваешься возле нее? Она дворянка, а ты холоп. Знай свое место.

– Ну и кто же ходить за ней будет, неужто вы? – спросил с ехидной наглостью Сашка.

Корнилов побагровел.

– Страх потерял, как разговариваешь, щенок?! – взорвался Павел и замахнулся на юношу. – Что себе позволяешь?!

– Ваше благородие, она вас боится! Елизавета Андреевна слишком ранимая девушка, чтобы доверить вам заботу и уход за нею! – продолжал Сашка, совершенно не боясь разъяренного Корнилова.

Павел валился с ног от усталости. Оттого пререкания денщика тут же вывели его из себя. Рассвирепев, Корнилов отвесил сильную затрещину парню и процедил:

– Я предупредил тебя. Еще раз увижу, что крутишься возле нее, завтра же в первой шеренге в атаку пойдешь. Ясно тебе?

– Чего уж неясного, – скисшим голосом промямлил Сашка.

Развернувшись, Павел направился обратно в палатку. Войдя внутрь, он одарил Лизу гневным взглядом. Девушка испуганно сжалась, увидев злость в серых, потемневших от гнева глазах Корнилова. Он молча разделся до пояса, скинув пыльный доломан и кушак в угол. Подойдя к умывальнику, он начал умываться, намыливая пыльное обветренное лицо. Лиза так и сидела на постели и молчала, замечая, как по рукам Павла стекает вода, окрашенная кровью с его волос. Поняв, что молодой человек не в духе после сегодняшнего боя, Лиза побоялась начинать разговор и поэтому молчала, настороженно глядя на него, страшась как-нибудь не угодить и разозлить еще больше уставшего, раненого Корнилова.

Переодевшись за занавеской в чистый повседневный мундир василькового цвета, Павел вновь повернулся к девушке и строго, с напряжением спросил:

– Елизавета Андреевна, вам что-нибудь нужно?

Лиза отрицательно покачала головой, заметив, что на его виске красуется кровавая, запекшаяся рана.

– Павел Александрович, вам бы в лазарет, – сказала она тихо. – Я вижу, вы ранены.

Павел сначала не понял, о чем она говорит. А когда его осенило, что она имеет в виду его висок, как-то мрачно улыбнулся.

– Это пустое, царапина, Елизавета Андреевна. Она через день затянется, – бросил он безразлично, а затем добавил: – Мне надобно уехать на пару часов. Вы сможете обойтись без меня?

– А Саша как же? – спросила тихо Лиза.

– Он не станет более докучать вам. Я сам буду заботиться о вас, – ответил с ожесточением, но твердо Корнилов. – Однако, когда я буду в отъезде, я велел ему кормить вас и сопровождать в лес. И все.

От последней его фразы Лиза похолодела. Этот человек привлекал ее, но и пугал. Часто она чувствовала к нему благодарность за то, что он спас ее, а также некое притяжение и симпатию. Но временами его суровый, крутой и властный нрав давал о себе знать, и в эти моменты Лиза его опасалась.

Не услышав от Лизы ни слова, Павел, поклонившись ей, быстро вышел из палатки.

Дикие крики разбудили Лизу. Она едва задремала после обеда, чтобы немного забыться, отрешившись от боли в ране, которая непрерывно ныла с самого утра. Сев резко на постели, девушка отчетливо услышала шум боя, беспорядочные выстрелы и лязг оружия. Она не понимала, что происходит, ведь основная часть полка была на очередной вылазке, так отчего в лагере всюду звучат выстрелы? Полевой лагерь их полка, укрытый с двух сторон лесом, был расположен в северной части местности, вдалеке от основного расположения русских войск.

В палатку ворвался взлохмаченный Сашка и проголосил:

– Елизавета Андреевна, французы напали на лагерь! Быстрее, надобно укрыться в лесу!

Похолодев от страха, Лиза проворно слезла с постели. Она была в одной длинной до пят рубашке и еще не надевала платье с утра, поскольку оно было узким и сильно сдавливало повязки на ране. В это время Сашка быстро засунул за пазуху один из пистолетов Корнилова, которые лежали в ящике с оружием. Затем, схватив летний плащ Корнилова, висевший сбоку, юноша накинул его на плечи девушки. Подхватив Лизу за талию, он вывел ее из палатки. Она же, тяжело опираясь на худощавое плечо Сашки, как можно быстрее шла с ним, озираясь по сторонам.

Кругом был ад. Всюду сновали французы, жестоко расправляясь с немногочисленными, отчаянно и яростно оборонявшимися русскими воинами. В послеполуденное время в лагере оставались только раненые солдаты и офицеры, не менее сотни человек, да рота платовских казаков для их охраны. Округлившимися от ужаса глазами Лиза следила, как раненые русские солдаты и офицеры, видимо, поднятые с постели, хватая первое попавшееся оружие, пытались защищаться от нападения кровожадных французов, которые, не щадя никого, обагрjali кровью палатку за палаткой.

Сашка изо всех сил тянул Лизу в сторону леса. Молодые люди почти достигли последней палатки, как им преградили путь два французских солдата. Увидев светловолосую девушку, поддерживаемую юнцом, они как-то дружно загоготали, и один из них, хищно растянув тонкогубый рот в притворной улыбке, хрипло проворковал по-французски, с похотью осматривая Лизу:

– Посмотри-ка, Жано, кто тут у нас! Сладенькие курочка и петушок. Сейчас я выпотрошу петушка, а потом мы полакомимся этой смазливой курочкой!

Французы приблизились, нагло ухмыляясь.

Раздался выстрел, и один из французов, схватившись за бок, упал. Лиза стремительно повернула голову к Сашке, увидев в его руке пистолет, из которого он только что выстрелил в неприятеля. Второй француз, ошалеv от наглости парня, в тот же миг выхватил свою саблю из ножен и бросился на них. Молниеносным ударом он проткнул холодным острием Сашке плечо. Юноша вскрикнул и, выронив пистолет, пошатнулся. В следующий момент Саша, закусив дрожащие от боли губы, здоровой рукой толкнул Лизу себе за спину, защищая девушку от нападения. Француз мерзко оскалится и снова занес над ними окровавленную саблю.

– Побойтесь Бога! Он всего лишь мальчик! – вся дрожа от страха и негодуя, закричала Лиза по-французски, надеясь этими словами остановить разъяренного, со звериным оскалом француза. Но в следующий момент она, пятясь назад, вдруг оступилась и упала на землю. Сашка едва успел оглянуться, сжимая руки на окровавленной груди, как француз наотмашь нанес новый удар по его лицу, рассекая подбородок и шею. Парнишка, потеряв сознание от боли, упал рядом с Лизой. Она же, сидя на грязной земле, прижалась к окровавленному телу Сашки, вцепившись в него. Чувствуя дыхание смерти, она инстинктивно подняла слабую тонкую руку, словно пытаясь защититься. Француз навис над ней со смертоносной саблей, и Лиза, похолодев от ужаса, прикрыла глаза, увидев в его зверином, нечеловеческом зоре свою гибель.

Вдруг раздался хриплый, болезненный крик. Лиза резко распахнула глаза и отметила, как жестокий убийца, французский солдат, схватившись руками за окровавленную грудь, из которой торчало острие сабли, медленно осел на колени. В следующий миг он, скорчившись и вздрагивая, упал перед ней и застыл. Над ним стоял мужчина с искаженным от ненависти лицом. Их спаситель был бос, в одних серых рейтузах и с окровавленной повязкой на груди. Злобно пнув ногой мертвое тело француза, он наклонился над ним и умело вытащил окровавленную саблю из его спины, потом с тревогой и участием посмотрел на Лизу и Сашу. Девушка догадалась, что это был один из спасшихся русских солдат, который, раненый, нашел в себе силы ввязаться в жестокий бой с напавшими на лагерь французами.

– Как вы? – тяжело дыша, спросил мужчина Лизу, наклоняясь над ней и подавая ей руку.

– Благодарю вас, – пролепетала Лиза, хватаясь за предложенную руку и пытаясь сесть прямо. Она тут же отметила, что кругом все еще хозяйничают французы. – Они сейчас перебьют всех раненых! – всполошилась Лиза.

– Я отведу вас в безопасное место! – сказал солдат и, обхватив ее за талию, попытался поднять девушку на ноги, но Лиза нетерпеливо оттолкнула его руку.

– Нет, оставьте меня! Надобно вернуть наших. Найдите коня, скачите за помощью. Быстрее! – сквозь прерывающееся дыхание выпалила она, не зная, что за помощью уже усакал один из мальчишек-горнистов, который в тот день остался в лагере. Солдат кивнул и бегом устремился к лошадям, стоявшим неподалеку.

Лиза отползла к поленнице, волоча за собой Сашку, который был без сознания. Прижав окровавленную голову Сашки к своей груди, она спешно подняла полу плаща и из последних сил начала яростно отрывать полоску ткани снизу своей рубашки. Озираясь по сторонам и боясь, что их заметят, девушка наконец оторвала ткань и попыталась перевязать лицо юноши. Сил у нее было очень мало, но она, едва не плача от бессилия и страха, пыталась остановить кровь, которая толчками вытекала из раны на шее юноши.

То и дело испуганно озираясь, Лиза видела, как немногие из оставшихся в живых раненых русских солдат и казаков из охраны пытаются оказать сопротивление французам, которые столь бесчестно и подло напали на беззащитный лагерь. Она думала о том, что, если помощь не подоспеет, они все здесь умрут, ибо французских солдат несравнимо больше.

Прошло не более четверти часа, когда Лиза услышала нарастающий сильный конский топот. Уже через миг мимо нее пронеслись верхом несколько гусаров в синих мундирах, а за ними и драгуны в темно-зеленой форме. Русская кавалерия ворвалась в лагерь стремительно

и дико. Уже через минуту Лиза увидела, как на захватчиков напали русские всадники, рубя французов направо и налево. Она поняла, что пришло подкрепление. Облегченно выдохнув, девушка ошалевшими от радости глазами смотрела на то, как пришедшая на помощь кавалерия разделяется с дерзкими французами, не щадя никого.

Спустя некоторое время шум боя стих, и Лиза обратила взор на Сашку, который так и лежал неподвижно и с его губ срывались тихие стоны боли. Рядом с ними вдруг появился один из гусаров верхом на белой кобыле. Бросив беглый взор на Лизу и Сашку, голова которого лежала на коленях у девушки, гусар, обернувшись в сторону, громко гаркнул:

– Корнилов! Здесь твоя краля!

Приблизившись к девушке и юноше, гусар быстро спешил и подошел к ним. Рядом уже оказался еще один гусар. Они оба наклонились над молодыми людьми. Молниеносно оценив ситуацию, один из них проворно подхватил Сашку на руки и, подняв его с земли, сказал:

– Снесу в лазарет к Аристарху Ивановичу, может, спасет мальчика.

Он отошел, направившись с не пришедшим в сознание юношей в сторону дальних палаток.

В этот миг около них появился Корнилов, и Лиза заметила, как он слетел с еще не оставившегося коня и бегом помчался в их сторону.

– А ну, пусти, друг! – рыкнул Павел, бесцеремонно отталкивая гусара, который пытался поднять Лизу на ноги. Корнилов наклонился над девушкой и шальным взбудораженным взором внимательно осмотрел ее всю в поисках ран и крови.

– Вы ранены? – выдохнул он дрогнувшим голосом.

– Нет, Павел Александрович, – пролепетала Лиза, обратив на него печальный взор зеленых глаз. – Саша... он защитил меня.

– Потапов понес его в лазарет. Да только не жалец он, крови много потерял, – пояснил стоявший рядом гусар, который нашел девушку первым.

Быстро подхватив Лизу на руки, Корнилов стремительно направился с ней в свою палатку, крепко, неистово прижимая ее легкое тело к своей груди.

Войдя в палатку, он быстро понес Лизу к ее постели, где прежде она спала.

– Ох и напугали вы меня, Елизавета Андреевна, – тяжело дыша, проговорил он, осторожно усаживая девушку на постель. Лиза дрожащими пальцами попыталась развязать завязки на плаще, и он ей помог. – Как корнет прискакал к нам с дикими глазами и выпалил, что французы в лагере, думал, все...

– Саша вывел меня. Сказал в лес бежать, чтобы спастись.

– Правильно сказал, – тихо заметил Корнилов, забирая у нее плащ и поправляя подушку за девушкой. – Как ваша рана?

– Вроде бы в порядке, как это ни странно, Павел Александрович. Ноет немного.

Он внимательно посмотрел на ее испачканное землей и кровью Саши нежное лицо, и его ладонь ласково провела по волосам девушки, словно утешая ее. Отойдя от Лизы, Павел взял небольшой глиняный кувшин с водой, деревянный таз и полотенце и вернулся к ее постели. Поставив все на походный столик, он намочил полотенце и начал вытирать ее лицо, испачканное грязью и кровью.

– Просто чудо, что вы живы, – произнес он проникновенно, не спуская с нее поглощающего взора серо-зеленых глаз. – Столько наших людей порубили, вражины... И как же они, душегубы, не побоялись... Видимо, вовсе совести у них нет, раз на беззащитных могут нападать...

– Саша, – пролепетала Лиза, и на ее глаза навернулись слезы при воспоминании о раненом юноше. – Он закрыл меня своей грудью от тех двух... одного убил, а второй его, – голос ее сорвался. Корнилов протер ее лицо от земли, и его рука с мокрым полотенцем спустилась к

шее девушки. – Позвольте, я сама, Павел Александрович, – попросила она, останавливая его руку, когда его ладонь достигла низа ее шеи.

– Да, конечно, простите, Елизавета Андреевна, – пробормотал Корнилов, забывшись. – Не буду вам мешать. Поспите немного, если сможете...

Глава V. Полк

Когда она проснулась, Корнилова в палатке не было. Уже смеркалось. Лиза, вновь ощущая тупую боль в плече, спустила ноги с кровати. Преодолевая слабость, она надела платье, обувь и медленно вышла наружу. Она направилась в лес одна, чтобы облегчиться, и не встретила по пути никого. Вернувшись в палатку, девушка тяжело опустилась на кровать. Как только она начала стягивать обувь, вошел Корнилов с каменным бледным лицом.

– Саша умер, – тихо произнес Павел, не смотря на Лизу, – только что похоронили его с остальными в братской могиле.

– Боже мой, как все это ужасно, Павел Александрович, – пролепетала девушка, и на ее глаза навернулись слезы. Корнилов снял ментик и устало опустился на свою койку, в отчаянии сжав руками голову. – Если бы не он... то... убили бы меня...

– Он умер как мужчина. Жаль его, – искренне заметил Павел, стиснув виски руками. – Денщик он хороший был, да и парень славный. Правда, своенравный, но все же я любил его.

– Как же вы без него справляться будете? – спросила тихо Лиза, не спуская внимательного взора с Корнилова.

– Ну, я вполне могу и сам, – сказал он просто, пожав плечами. – Времени только много уходит на все. То постирать, то коня накормить да оседлать, – он поднял на нее печальные глаза, добавив: – Оттого и вожу с собой денщика по военным походам. Теперь не ранее чем недели через две из деревни другого пришлют. Сашка бойкий да расторопный был. Последний раз я накричал на него несправедливо...

– Отчего же так? – спросила Лиза. Она увидела, что взгляд Павла мгновенно изменился и стал мрачным.

– Сам не знаю, как вышло, – глухо произнес он, не спуская с ее прелестного взволнованного лица напряженного взора и думая о том, что налетел в прошлый раз на Сашку из-за нее. Только в этот момент Корнилов осознал, что тогда разозлился на юношу, приревновав Лизу к нему. Это осознанное открытие до глубины души поразило Павла. Он несколько минут молчал, понимая, что, если ревновал Лизу к Сашке, значит, он был влюблен в нее? Ну да, так и есть, подумал Павел, опешив от этой мысли. И сегодня он страшно испугался за ее жизнь. Его сердце болезненно сжималось только от одной мысли о ее смерти, пока он не увидел, что она жива.

Корнилов не понимал, как он мог увлечься этой смазливой девицей, которая явно не заслуживала его внимания. Она делала глупости, например, отправилась за братом на войну. К тому же она была слишком, даже вызывающе красива. А Павел не считал себя глупцом, чтобы влюбиться в такую, как она, у которой наверняка в столице имелась куча поклонников. Нет, он совершенно не хотел влюбляться в Лизу. С самого первого дня Корнилов своей железной волей сдерживал желания и взгляды, зная, что ему не следует даже смотреть в ее сторону. Но сейчас, несмотря на все усилия, все же попал под чары юной соблазнительницы и уже вел себя странно. Павел помрачнел. Он понял, что должен немедленно вырвать из сердца и из головы все эти пустые и романтические бредни, пока не стало слишком поздно. Он солдат, и только война привлекает его. Он желает продвигаться по службе, совершать героические поступки во славу Отечества, а не быть дамским угодником. Да и сейчас идет война с французом, он может быть убит в любую минуту. Какая любовь, какие женщины, смешно, право.

– Здесь вам нельзя оставаться, Елизавета Андреевна, – очнувшись от своих мыслей, заметил Павел, не спуская с нее поглощающего взора серо-зеленых глаз. – Но и перевозить вас опасно. Может рана открыться. Надобно хотя бы повременить немного, чтобы затянулась. Вам делали сегодня перевязку?

– Нет, – покачала головой Лиза. – Утром Аристарх Иванович был очень занят, а потом... – она замолчала и судорожно сглотнула. – Бедный Саша...

– Я тотчас же схожу за доктором, – предложил тихо Павел, наконец найдя повод покинуть Лизу и тем самым пресечь свои нескромные, сладострастные мысли относительно девушки, сидящей напротив него.

Вернулся Корнилов спустя полчаса в гораздо более умиротворенном настроении. Он принес большую сумку и два котелка горячего супа.

– Давайте поедим, – сказал он важно, ставя котелки на лавку. – Я взял первым, специально для вас, чтобы суп был горячим. До сих пор солдаты хоронят убитых. Зрелище не из приятных, скажу я вам.

Лиза встала и, сунув ноги в ботиночки, медленно направилась к умывальнику, чтобы ополоснуть руки. Чуть повернув к нему лицо, она спросила:

– А Аристарх Иванович?

– Он не может прийти, оперирует ныне. Очень много раненых, – объяснил Павел, поднимая валяющийся походный стол и ставя его на землю. Затем водрузил на него котелки и, вытащив из сумки две ложки, положил их рядом. – Просил сестер перевязать вас, но все пятеро тоже заняты. Двух сестер-то убили. Так что придется мне самому вас перевязать, что ж делать, – пожал он плечами.

Последняя фраза молодого человека огорошила Лизу, и она, уже закончив мыть руки, повернулась к Павлу и пораженно посмотрела на него.

– Вы будете меня перевязывать? – ошеломленная этими словами, выдохнула она.

– Да. Что в этом такого? – спросил он.

Увидев ее неподдельный испуг и то, как она покраснела, Павел глухо спросил:

– Вам неловко от этого?

– Да, – пролепетала Лиза, опуская смущенно взор и подходя к своей койке. Она села на нее, чуть поморщившись от боли.

– Не нужно из этого делать трагедию, – начал увещательно Павел, расстегивая жесткий глухой ворот доломана и снимая португеею. Он то и дело косился в сторону девушки, следя за мимикой ее лица. – Я сам не раз был ранен, и мне тоже оказывали помощь. В этом нет ничего постыдного. К тому же, если долго не менять повязку, рана может загноиться, вы же понимаете?

Лиза все это прекрасно понимала. Но почему-то как раз от помощи Павла ей становилось не по себе. Она подумала, что еще ни разу не чувствовала себя в таком унижительном положении. Лиза поняла, что не сможет спокойно относиться к этой ситуации.

Он поставил перед ней котелок с супом и, как-то странно улыбнувшись, приказал:

– Кушайте, Елизавета Андреевна, у меня мало времени. Через час я должен вновь ехать в разведку со своими людьми.

Лиза взяла ложку и попыталась есть, но еда застревала у нее в горле из-за мысли о предстоящей процедуре. Только одно то, что Корнилов увидит ее полуобнаженной, вызывало у нее неимоверный стыд.

Павел быстро съел свой суп и, увидев, что девушка еще не закончила, решил пока привести себя в порядок. Взор Лизы проследил, как Корнилов, перемещаясь по палатке, начал разysкивать свою запасную одежду и оружие. Лизе нравилось смотреть на него. Тайком она разглядывала его ладную широкоплечую фигуру с длинными сильными ногами. Проворно одевшись в чистый доломан и повязав кушак, он наконец повернулся к ней. Лиза уже поставила свой пустой котелок на стол.

– Вы готовы, Елизавета Андреевна? – спросил Павел и направился к сумке с корпией, бинтами и мазью. Он взял все необходимое и приблизился к девушке. Метнув на него испуган-

ный взор, Лиза ощутила, как ее сердце взволнованно забилося. Он подбадривающе улыбнулся девушке и по-свойски уселся на койку рядом с нею, положив перевязочный материал на свои колени. – Я понимаю ваши опасения, – начал Павел, расправляя бинты. – Но у меня, знаете ли, есть в этом деле опыт, – он вновь улыбнулся ей, пытаясь успокоить.

Но под его взором Лиза опять начала краснеть. Строгое воспитание не позволяло ей воспринимать ситуацию, в которой она оказалась, вполне нормальной. И в данный миг, наедине с мужчиной, который не был ее мужем и собирался перевязывать ее, она испытывала чувство крайней неловкости и невероятного стыда. А то, что этим мужчиной был Павел, увеличивало стыд в разы.

– Вы смотрите на меня так, словно я собираюсь вас съесть, – тихо сказал Корнилов, внимательно глядя в ее зеленые яркие глаза. – Мне нужно, чтобы вы спустили платье, иначе я не смогу перебинтовать вас. Давайте я помогу.

Он незамедлительно протянул к ней руки. Проворно расстегнув маленькие многочисленные пуговицы на ее платье, он осторожно спустил его с плеч, обнажая девушку до талии. Лиза словно под пыткой чуть отвернулась в сторону, стараясь не смотреть на молодого человека. Павел постарался сделать непроницаемое выражение лица, чтобы Лиза не поняла, что он смущен этой ситуацией не меньше нее.

– Елизавета Андреевна, вы должны понять... я всего лишь помогаю вам, – произнес Павел обволакивающим баритоном и начал очень осторожно развязывать бинты, едва касаясь пальцами повязки. Он ближе склонился над нею, чтобы ему было удобнее. Корнилова тут же обдало ее запахом, нежным, сладким и каким-то немислимо чувственным. – Не надобно смущаться так... – Он пытался придать своему голосу более безразличный тон. Но картина, открытая его взору, была нереально прелестной. Повязка закрывала лишь одну половину груди девушки, вторая была полностью обнажена. Ее распущенные волосы начали запутываться в его пальцах и мешать ему своим шелковистым потоком, и он сдержанно попросил: – Елизавета Андреевна, вы могли бы поднять волосы?

– Простите, – пролепетала она, бросив на него мимолетный смущенный взор. Лиза здоровой рукой подняла волосы вверх, чтобы он мог снять повязку. Она вновь отвернула пылающее лицо в сторону.

– Закройте глаза, – предложил он ей мягко. – Вам так будет легче.

Лиза мысленно поблагодарила его за удачную подсказку. Она закрыла глаза.

Как только Корнилов увидел, что девушка сомкнула веки, выражение его лица изменилось. Из холодно безразличного, даже немного насмешливого оно превратилось в мрачное. Своим темным взором он пожирал ее обнаженную грудь, уже полностью освободив ее от старой повязки. Ее девичья грудь, которая оказалась среднего размера, упругая, молочно-белая, с нежной кожей и темно-розовыми небольшими сосками, привела его в крайнее возбуждение. Пытаясь держать себя в руках и сосредоточиться лишь на своих действиях, Корнилов стиснул зубы, ощущая, что ему стало трудно дышать.

Он видел – ее рана затянулась. И начал понемногу накладывать мазь кончиками пальцев, стараясь не сделать больно. Его горящий взор не мог оторваться от ее прелестной, совершенной формы девичьей груди и тонкой нежной шеи. Чуть позже он принялся накладывать новую повязку.

Ощущая, что ему вовсе не хочется заканчивать эту интимную процедуру, Корнилов вдруг осознал, что неистово желает поцеловать Лизу. Следующая мысль, которая пришла ему в голову, была о том, что он хочет не только поцелуев, но и продолжения. Спустя миг, чувствуя, что крайнее вожеление завладело всем его телом, Павел понял – нужно скорее оканчивать перевязку, пока девушка не заметила его напряжения. Он ускорил свои движения и уже спустя пару минут закончил перевязку.

– Все, Елизавета Андреевна. Можете одеваться, – с облегчением в голосе сказал Павел и, быстро подхватив испачканные бинты, встал с койки и, отойдя, кинул их в ведро. Лиза распахнула глаза и трясущимися руками принялась натягивать на себя платье. Корнилов стал быстро собираться и через минуту, полностью одетый в гусарский мундир, привычным движением водрузив на голову кивер, подошел к ней и тихо спросил: – Отвести вас в лес?

– Нет, благодарю вас. Я успела сходить сама, незадолго до вашего прихода, – ответила она, поднимая на него прелестный, все еще смущенный взор.

– Упрямица, – сказал он ласково, с нежными интонациями в голосе. И тут же добавил: – Ложитесь в постель. Я, наверное, надолго. Буду только к ночи.

– Спасибо вам, – пролепетала она, снизу вверх смотря на его широкоплечую фигуру, затянутую в синий мундир.

Павел замер и как-то странно пронзительно посмотрел на нее. Она видела его настойчивый взгляд, направленный на ее губы. Взором он прошелся по ее волосам, остановился на глазах и вновь вернулся к губам. Лиза ощутила себя мухой, которую поймали и посадили в банку для более тщательного разглядывания. «Отчего он стоит здесь и рассматривает меня, когда говорил, что у него мало времени», – подумала Лиза, опустив глаза, не в силах выдержать напряжение его поглощающего взора. Как же она хотела так же смело ответить молодому человеку взглядом, но не могла, чувствуя, что это будет неправильно, так смотреть на него. В следующий миг Корнилов молча развернулся и стремительно покинул палатку, чем вызвал вздох облегчения у девушки, которая без сил упала на постель.

Павел вернулся из разведки к полуночи и вошел в палатку осторожно, ступая на носках, чтобы не разбудить Лизу. В полной темноте, стянув с себя мундир и оставшись в одних лосинах, он устало рухнул на походную койку и мгновенно закрыл глаза. Засыпая, он вспоминал прелестный вид обнаженной девственной плоти девушки, которая так заворожала его несколько часов назад.

Глава VI. Павел

Павел Александрович Корнилов был незаконнорожденным сыном генерал-аншефа, дворянина Александра Яковлевича Корнилова. Матерью же Павла являлась балерина петербургского Большого театра, Арина Матвеевна Собакина. Прекрасная Арина, одна из танцовщиц балетной труппы, несколько лет подряд состояла в тайной любовной связи с генералом Александром Корниловым, который держал на Офицерской улице для нее небольшой дом с колоннами и садом. Когда же Арина оказалась тяжела, Александр Яковлевич остыл к ней и нашел новую пассию, более молодую. Оставив дом и слуг на Офицерской улице в распоряжении Собакиной, генерал Корнилов более не жаждал иметь с ней ничего общего, назначив танцовщице довольно приличное содержание до конца жизни. Хотя Арина и пребывала в расстроенных чувствах несколько дней, получив в письме от генерала известие о разрыве отношений, и даже задумывала от горя свести счеты с жизнью, все же она не решилась на такой отчаянный поступок.

В июне 1786 года Арина Собакина удачно разрешилась от бремени крепким мальчиком, сыном генерала, а на вторые сутки корзина с младенцем и запиской была доставлена посыльным во дворец Корниловых на Вознесенском проспекте. Жена генерала Корнилова, Наталья Николаевна, тогда еще благополучно здравствующая, закатила мужу грандиозный скандал, подтвердив досужие сплетни о беспутстве и изменах мужа. Александр Яковлевич, выслушав со стоическим спокойствием истерические вопли и бурные слезы мнящей себя опозоренной супруги, заявил ей, что новорожденный мальчик останется в его доме, раз матери-танцовщице малыш не нужен. Хоть и неофициально, но уже тогда генерал признал своего сына и через две недели велел крестить его по православному обычаю, дав ему имя Павел.

Итак, Павел-байстрюк остался в детской великолепного особняка отца. К малышу была приставлена кормилица, а чуть позже и няня, как и полагалось в дворянских семьях. Родная мать Павла, танцовщица Собакина, умерла от холеры, когда мальчику было четыре года, так ни разу не пожелав увидеть своего сына.

Помимо Павла, у Александра Яковлевича Корнилова было три старших сына от законной супруги, и они также жили вместе с родителями в огромном дворце. В 1796 году умерла Наталья Николаевна, и отставной генерал-аншеф зажил весьма вольготно и весело, совершенно не заботясь о правилах приличия, принятых в русском обществе. Устроив просторные покои в одном из флигелей своего дворца, обставленные роскошно и в восточном стиле, он требовал ежемесячно привозить из подвластных ему деревень молоденьких крепостных девушек. Пройдя осмотр у генерала, самые красивые и покладистые девицы оставались жить в восточном крыле дворца. Еще с молодости генерал слыл большим сладострастником и любителем женщин, имея огромные деньги и власть, чтобы услаждать себя выполнением прихотей, нисколько не заботясь о репутации и мнении высшего общества. Александр Яковлевич чувствовал себя восточным владыкою, имея в своем «гареме» до двадцати время от времени сменяемых «наложниц».

Павел с детства видел великолепную, роскошную, яркую жизнь, которая окружала его во дворце отца, но всегда ему давали понять, что он всего лишь незаконнорожденный сын, хотя он и ел за одним столом с отцом и старшими братьями. Няня его была простой, средних лет дворовой бабой и ничего, кроме заботы и ласки, брошенному всеми ребенку дать не могла. Когда мальчик подрос, отец пожелал, чтобы его воспитанием занимались гувернеры, которые были и у его законных детей: Александра, Захара и Ивана. Оттого Павел получил блестящее по тем временам образование.

Генерал Корнилов вовсе не радел о своем младшем побочном сыне и скорее принужден был выполнять свой отцовский долг по отношению к нему, оттого заботился о мальчике, не

более того. Старшие братья игнорировали Павла с раннего детства, считая его не ровней себе, и бывало, даже задирали маленького Павлушу. Но, еще с детства имея своевольный, бойцовый характер, Павел не давал себя в обиду и порой вступал в драку со всеми тремя братьями, получая синяки и тумаки от старших. Его твердый характер и внутренняя сила все же смогли через какое-то время восхитить его самого старшего брата Александра, который был старше Павла на восемь лет. Именно Александр, который был главным наследником всего имущества отца, когда Павлу едва исполнилось двенадцать лет, встал на защиту юноши и потребовал от двух своих младших братьев, чтобы они относились к Павлу с уважением. Именно после этого конфликтов с братьями у Павла более не было.

Когда Павел подросток, его отец, Александр Яковлевич, заявил, что, возможно, завещает молодому человеку небольшое содержание для достойной жизни, но должностей и почестей Павел должен будет добиться сам. «Я не собираюсь покупать вам должность при дворе или чин в армии, как моим законным детям», – заявил Павлу уже пожилой генерал Корнилов. Надо заметить, что должности при дворе или чины в армии просто покупались, а выслуга лет в армии начинала исчисляться с рождения ребенка. И к своему совершеннолетию юноши из богатых дворянских семей часто уже имели чины капитанов или подполковников. Тем самым Александр Яковлевич опять указал Павлу на его место незаконнорожденного сына. Но молодой человек совсем не огорчился, ведь он обладал всеми качествами, необходимыми для того, чтобы добиться больших высот в военной карьере. Физическая крепость, умение прекрасно держаться в седле, выносливость, сила духа и желание проявить себя составляли сущность Павла. А такие умения, как знание языков, литературы, математики, истории, владение стихосложением, которые он изучал наравне со старшими братьями, оченьгодились Павлу в будущем.

Во времена царствования Александра I Благословенного, как окрестили его в народе, дворянин мог поступить на военную, штатскую или придворную службу. Надобно оговорить, что еще в прошлом веке Екатерина II своей «жалованной грамотой» освободила дворян от обязательной службы. Оттого молодые дворяне могли не поступать на службу, а жить в своем родовом поместье и заниматься своими вотчинами. Но редко кто этим пользовался. Ибо в приличном обществе считалось, что дворянин, как представитель лучшей части общества, должен отдать свои знания, жизнь, энергию на службу Отечеству и государю. В те времена это было нормой, негласным правилом, и дворянин, не искавший службы, вызывал в высшем обществе лишь презрение и кривотолки.

Самой почетной и уважаемой из всех трех видов службы считалась военная. Престиж офицера, защитника Отечества, был непомерно высок и являлся неким эталоном мужественности и достоинства. Многие дворяне выбирали именно эту стезю. Правда, часто через некоторое время дворяне с военной службы переводились на штатскую или уходили в отставку. Тем не менее каждый дворянин считал делом чести отдать свой долг государству, поступив служить хотя бы на некоторое время.

Павел не стал исключением. Еще с детства бредивший армией, в свои пятнадцать лет юноша выпросил у отца позволения отпустить его на обучение в шляхетский кадетский корпус. Его отец не стал этому противиться, ибо всегда недолюбливал младшего сына. Узаконив и официально признав Павла как своего сына и тем самым присвоив ему дворянский титул, Александр Яковлевич выполнил желание младшего сына и отправил его на учебу.

В двадцатилетнем возрасте Павел закончил Второй кадетский корпус и в 1806 году был выпущен в армию в чине корнета и направлен в Гродненский гусарский полк. Боевое крещение молодой Корнилов со своим полком прошел в 1807 году в сражении при Прейстиш-Элау. И проявил себя как храбрый и отчаянный офицер. После этой военной кампании за героизм и мужество получил повышение по службе и чин штабс-ротмистра. Позже, в военную кампанию в Финляндии в 1808–1809 годах, Павел отличился в отчаянном рейде по льду через Ботни-

ческий залив, где у шведских берегов вместе с тремя эскадронами гродненцев он и его товарищи разгромили шведский полк егерей, глубоко вклинились в тыл врага. За данную опасную и трудную экспедицию-бой император Александр Павлович все нижние чины щедро награждал деньгами, а высшие – орденами. Именно тогда Корнилову был пожалован чин ротмистра и орден Святой Анны четвертой степени.

В последующие несколько лет, до начала войны с Наполеоном, Павел часто посещал Петербург. Александр Яковлевич, наслышанный о военных подвигах и успехах сына, был весьма горд за своего отпрыска и часто прилюдно хвалил его. В 1811 году, на двадцатипятилетие Павла, на именины, генерал Корнилов подарил ему небольшой особняк в центре Петербурга, две тысячи душ крепостных и восемьсот тысяч рублей деньгами. Из простого байстрюка Павел превратился в завидного жениха, хорошую партию для девиц из благородных семейств столицы. Однако женитьба не интересовала Павла, ибо он еще не нашел ту женщину, которая смогла бы покорить его сердце. Да и вообще, свобода ему была более по душе. Старший брат Корнилова, Александр Александрович, довольно хорошо относился к младшему брату и часто приглашал его на приемы и балы, которые устраивал в своем дворце в Петербурге.

Было раннее прохладное утро, рассвет едва занимался. Частые капли сильного дождя барабанили по ткани палатки. Прошло уже два дня после того страшного нападения французов на лагерь. Лиза проснулась от тупой боли в плече. Рана сильно болела. Застонав, она повернулась на другой бок. Но боль стала еще сильнее. Снова застонав, она поняла, что не сможет больше заснуть. Она невольно открыла глаза и тут же вздрогнула. Над ней возвышалась широкоплечая фигура Павла. Он был в одних лосинах, босой и стоял у ее походной койки и мрачно смотрел на нее. «И давно он стоит? Отчего его глаза так странно блестят?» – подумала Лиза. Увидев, что девушка проснулась, Корнилов участливо спросил:

– Рана болит?

– Да. Ноет, сил нет. Доброе утро, – хрипло произнесла Лиза. В горле у нее пересохло.

– Необходимо осмотреть рану, кровотечение могло открыться. Возможно, повязка сползла, – сказал Павел важно и настойчиво посмотрел ей в глаза. – Садитесь и снимайте рубашку...

Он отошел от нее и приблизился к сундуку, где лежали корпии и бинты.

Лиза, поморщившись от боли, села на койку. Она спустила ноги и, нащупав кончиками пальцев ботиночки, ловко сунула туда свои ноги и встала. Павел обернулся на шум. Девушка стояла рядом с койкой в своей длинной холщовой рубашке до пола. Павел прекрасно видел очертания ее юного соблазнительного тела. Отчетливо вспомнив картину ее прелестной высокой полной груди, он судорожно сглотнул, понимая, что безумно хочет снова увидеть ее полуобнаженной. От этой мысли молодой человек начал нервничать. Последние два дня он перевязывал Лизу сам, и каждая перевязка стоила Павлу невероятных усилий и железной выдержки. Теперь же руки его задрожали от предвкушения. Пытаясь скрыть свои желания, он возмущенно выдохнул:

– Зачем вы встали?

– Я хочу пить, – прошептала Лиза пересохшими губами. – Я могу сама взять...

– Как же, – перебил ее Павел резко, быстро подходя к девушке и усаживая ее на койку, властно надавив на ее здоровое плечо. – Еще вчера у вас кружилась голова. Когда я рядом, неужели вам трудно просто попросить меня?

– Мне уже лучше, – заметила Лиза тихо, смотря снизу вверх на его мужественное лицо.

– Да уж, конечно. Что-то я никак не вижу этого.

Корнилов важно подошел к столу и взял крынку с водой. Приблизившись к Лизе, он сел рядом с ней на койку и поднес сосуд к ее губам. Лиза попыталась взять крынку здоровой рукой, но Павел не отпустил крынку, не дав ей взять и намереваясь поить ее сам. Он наклонился над

нею. Лиза опустила руку и приняла его помощь, понимая, что у нее нет сил вновь спорить. Она начала пить, а Павел, засмотревшись на ее пушистые темные ресницы, в какой-то момент, не рассчитав, чересчур сильно наклонил сосуд, и часть содержимого вылилась на рубашку Лизы. Он немедленно убрал крынку от ее губ и смущенно заметил:

– Простите...

Павел заворожено смотрел, как влажное пятно расплзается по правой груди девушки. Тонкая ткань ее рубашки вмиг намокла и облепила ее правую грудь. Корнилову показалось, что через рубашку он видит розовую плоть.

– Благодарю, мне достаточно, – произнесла Лиза, отстраняя его руку с крынкой. Павел же усталился на ее губы, на которых блеснули капельки воды, чувствуя, что его накрывает неистовая волна желания. Как же он хотел оказаться на месте этих капель. Он неистово желал прикоснуться губами к ее губам, очень осторожно, ласково. Так, чтобы не испугать ее. От напряжения и усталости все мысли смешались в голове молодого человека: о ее прелестях, нескончаемой войне, о диком желании и постоянной опасности.

– Что-то не так, Павел Александрович? – спросила Лиза, нахмурившись, поймав его взгляд на своих губах.

Павел как будто опомнился и, резко отстранившись от нее, вскочил на ноги. Проворно убрав крынку, он спустя минуту вернулся к Лизе с корпией и бинтами и, усевшись на ее койку, начал все это раскладывать на одеяле.

– Снимайте рубашку, – велел он. Лиза, морщась от боли, начала развязывать тесьму, которая удерживала горловину рубашки. Она видела перед глазами его обнаженный торс – мощный, сильный и рельефный, ибо Корнилов расхаживал по палатке босой и в одних темных лосинах. Едва она спустила рубашку с плеч, опустив ее на талию, прикрывая все, что было ниже, Павел придвинулся к ней и начал осторожно развязывать повязку. – Оттого, что вы постоянно двигаетесь да ходите тайком в лес, вместо того чтобы лежать, ваша рана и не заживает, Елизавета Андреевна. Вот, как я и говорил, рана намокла, – наставительно попенял ей Павел, снимая последние бинты. Он не спускал темного взора с ее прелестей, открывшихся его взору, невольно сопоставляя размер своих ладоней и полноту ее груди.

Лиза чувствовала себя до невозможности нервно. Как бы она хотела, чтобы брат Петруша поскорее забрал ее отсюда. Если бы покойный отец видел ее нынче, он ужаснулся бы. Она, обнаженная, находилась в походной палатке посреди лесов и множества военных, наедине с мужчиной, который не являлся ее мужем. Однако Лиза понимала, что Павел не виноват во всей этой трагичной ситуации, в которой она по наивности и самонадеянности оказалась, и он лишь помогал ей теперь. И она очень нуждалась в его помощи. Молодой человек уже обработал заживляющей мазью ее рану и начал накладывать чистые бинты.

– Мне так неловко перед вами, Павел Александрович, – робко начала Лиза заискивающим голосом.

– Да будет вам, – отмахнулся Павел, задержав взгляд на ее сосках, которые подрагивали от его действий с бинтами. Судорожно сглотнув, он быстро отвел взгляд от ее груди и сосредоточился на ране. – Я уже вам говорил, что не смотрю на вас. Вам не нужно смущаться.

– Я не про это, – сказала Лиза, видя, как его сильные ловкие руки колдуют над ее раной, проворно забинтовывая ее плечо и грудь.

Его пальцы дрожали, задевая ее нежную кожу, и он хмурился, пытаясь держать себя в руках. Но неумное вожеление в его теле возрастало с каждой минутой. Это ужасно раздражало Павла. Он не понимал, отчего близость девушки так действует на него. Еще никогда он так сильно не желал ни одну женщину, как жаждал Лизу в этот момент. В его горле пересохло, а взор затуманился. Он боялся того, что она заметит его напряженное состояние. Но, вглядываясь в невинное лицо девушки, он понял, что она даже не подозревает о его муках и впрямь верит в слова о том, что он не смотрит на нее.

– Тогда о чем же? – глухо произнес он, заканчивая бинтовать.

– Вы спасли меня, ухаживаете за мной, – начала Лиза и с нежностью посмотрела в его серо-зеленые глаза. От ее прелестного, ласкового взгляда Павел окончательно потерял голову. – Мне не отблагодарить вас...

– Довольно, Елизавета Андреевна! – недовольно буркнул он в ответ. Да, он хотел от нее благодарности, но совершенно иного рода. И Корнилов прекрасно понимал, что его желания в данный момент неосуществимы. Ибо в данной обстановке эти желания были слишком непорядочны, порочны и гнусны по отношению к этой невинной чистой девушке. – Я уже говорил вам, что вы ничем не обязаны мне. Будь на вашем месте другая женщина или мужчина, я сделал бы для них то же самое.

Последняя его фраза была откровенной ложью, и Корнилов прекрасно осознавал это. Да, вначале он случайно оказался рядом в том злополучном лесу, где на нее напали французы и он спас ее. Но затем все его действия были направлены на то, чтобы девушка оказалась не просто ближе к нему, а находилась под его постоянным надзором, полностью в его власти. Именно поэтому он до сих пор не написал ее брату, хотя и сказал ей, что сделал это. Он боялся того, что Лиза после этого сможет быстро исчезнуть из-под его опеки. Прекрасно осознавая свои тайные мотивы, а также ее наивность, благодаря которой ему легко удавалось обманывать девушку, Павел почувствовал злость, ощущая себя гнусным соблазнителем. Вскочив на ноги, он схватил окровавленные бинты и быстро подошел к ведру, где был мусор.

– Вы очень добрый. Заботитесь обо мне, словно брат, – сказала Лиза ласково. Он резко развернулся, ибо ее слова задели его за живое, и стремительно приблизился к ней.

– Отчего вы это говорите? – яростно сверкая глазами, раздраженно прошипел он. – Я не ваш брат. И я не добрый герой, каким вы меня все время представляете. И отнюдь не такой, как вам кажется! И перестаньте говорить эти слащавые словечки. Они мне претят!

Павел ощущал, как его окутывает туман влюбленности и желания. Но он не мог сказать ей об этом. Ее ласковые слова лишь подливали масла в огонь его страсти, разжигая в его душе еще больший пожар.

Испугавшись порывистого и нервного выпада Корнилова и его горящих глаз, Лиза судорожно сглотнула. Павел быстро развернулся и начал скоро одеваться, видимо, не собираясь вновь ложиться спать. Спустя пять минут он покинул палатку, оставив девушку в одиночестве и в недоумении от того, что она сказала не так, раз он вышел из себя?

Глава VII. Соблазн

Весь следующий день Лиза провела в одиночестве. По просьбе Корнилова к ней пару раз приходил солдат с полевой кухни и приносил еду. Ближе к вечеру ее навестил Аристарх Иванович, осмотрев рану и сделав перевязку, извинился, что не мог посетить ее ранее из-за большого количества раненых, которым срочно требовалась его помощь.

Корнилов вернулся в палатку поздно вечером и был неприятно удивлен, застав там Власова, гусара из своей роты, который услужливо принес ужин Лизе. Павел холодно осведомился, для чего он здесь, и Власов просто ответил:

– Я последние дни навещаю Елизавету Андреевну, пока тебя нет. Вдруг она кушать захочет или еще чего? Сашки-то нет более.

– Спасибо Сергею Михайловичу, принес мне ужин, – сказала тихо девушка, которая сидела на постели в простом темном платье. Ее волосы были, как и обычно, распущены, поскольку одной здоровой рукой она могла только расчесывать их. Ее локоны свободно золотистым покрывалом падали на ее плечи и спину, придавая ее и без того прелестному юному лицу невероятную притягательность.

Услышав слова Лизы, Павел помрачнел и начал нервно стягивать с себя запыленный ментик, между делом бросив:

– Власов! Тебя вроде Федор Васильевич разыскивал.

Услышав имя полковника Ридигера, Сергей сразу же встрепенулся и, быстро извинившись перед Лизой, стремительно покинул палатку. Когда они остались одни, Корнилов, бросив недовольный взор на девушку, направился к умывальнику.

– Не знал, что в мое отсутствие к вам гости нахаживают, Елизавета Андреевна, – колко бросил Павел, снимая одежду.

– Сергей Михайлович только пару раз был, сегодня да вчера. Да еще Аристарх Иванович заходил, вытянул нитки из раны и перевязку мне сделал. Он сказал, что рана у меня вполне хорошо выглядит и перевязку можно один раз в день делать отныне.

– Вижу, что у вас все прекрасно, – язвительно, не оборачиваясь, бросил Корнилов. Окончательно скиснув от последней новости, Павел с шумом и брызгами начал мыться. Мысль о том, что в его отсутствие гусары его полка могут, как и Власов, спокойно захаживать к раненой девушке, решительно не нравилась Павлу. В его голове появилась мысль, ревнивая и нелепая, как скрыть и защитить Лизу от других особей мужского пола.

Весь вечер Павел был не в духе, дулся и был не расположен к разговорам с Лизой, которая тихо прилегла, сняв платье, и пыталась уснуть.

Корнилов же долго возился с принесенным ужином, потом брился, затем чистил свое оружие. Тяжело вздыхая, он обдумывал, что делать дальше. Оставлять девушку одну в полку, где было более пяти сотен мужчин, представлялось ему опасным. Он не мог быть все время при ней и наблюдать за всем, что происходило вокруг Лизы. Самым правильным было бы немедленно отписать ее брату, чтобы он увез ее в безопасное место. Как-никак, через неделю Лиза поправится, раз доктор велел перевязывать рану реже. Но мысль о расставании с девушкой была для Павла невыносима.

Корнилов проснулся от пронзительного крика Лизы. Открыв глаза, он насторожился.

– Нет, нет! – вновь дико закричала Лиза.

Было темно. Дождь закончился. Проворно вскочив на ноги, молодой человек быстро зажег свечу и подошел к девушке. Лиза во сне металась, елозя головой по подушке. Он положил руку ей на лоб, проверяя, нет ли у нее жара, но его не было, и, облегченно вздохнув, Павел наклонился, потянул девушку за здоровое плечо, пытаясь разбудить.

– Лизвета Андреевна, проснитесь, – тихо позвал он ее. Она медленно открыла глаза и посмотрела на него неосознанным взглядом. – Вам плохо? – спросил участливо он.

– Мне снилось то ужасное нападение, – прошептала она глухо, садясь на постели и обхватывая себя руками. Ее взор был лихорадочным и испуганным.

– Ясно. Вы вся дрожите, – отметил Павел. Он проворно отошел и, стянув со своей койки одеяло, вернулся и присел рядом с Лизой.словно ребенка, закутав девушку в свое одеяло, он прижал ее легкое тело к своей груди и начал осторожно гладить ее по голове, словно ребенка. – Вы не должны бояться. Я здесь, рядом и никому не дам вас в обиду.

– Я знаю это, – проникновенно заметила девушка, чувствуя, как ей спокойно в его сильных теплых объятиях. Его рука продолжала ласково успокаивающе гладить ее волосы. Лиза вновь ощутила боль в плече и вымолвила: – Рана опять ноет...

Павел долго смотрел на нее, как будто что-то обдумывая. Через миг он осторожно отстранился от Лизы и направился к своей походной сумке. Достав оттуда кожаную фляжку, он приблизился к девушке и, открыв крышку, приблизил горлышко к губам Лизы.

– Пейте, – властно велел он. Лиза недоверчиво посмотрела на него. Только сейчас она осознала, что молодой человек не одет и стоит перед ней босым и в одних лосинах. Его широкие плечи, мощный торс вкупе с длинными, сильными ногами и рельефно обозначенными мышцами на руках вызывали у девушки восхищение. Она смущенно перевела взор с его великолепного тела на лицо и остановила взгляд на коротких темно-русых волосах, думая, что это самое безопасное место для созерцания. – После этого боль немного притупится. Это коньяк, – пояснил он. – Пейте маленькими глотками.

Лиза выпила несколько глотков. От крепкого напитка у нее перехватило дыхание, обожгло горло, и она закашлялась. Павел настоял, чтобы она выпила еще немного, и девушка послушно сделала это. Закрыв фляжку, он уже собирался отойти от нее, как она вдруг попросила его:

– Побудьте со мною немного, Павел Александрович, прошу вас. Когда вы рядом, мне спокойнее.

Ее молящие, прекрасные, зеленые озера глаз показались ему бездонными. Нахмурившись, молодой человек молча положил фляжку на скамью и вновь уселся рядом. Осторожно обняв Лизу, Корнилов прижал ее к своей груди. Вновь его рука начала ласково гладить ее по светло-золотистым распущенным волосам. Ее близость вызывала в нем страсть, и Павел попытался разрядить обстановку:

– У вас мягкие волосы, точно шелк...

– Неужели?

– Да, очень приятные, – сказал он как-то неуклюже, но вполне искренне.

Лиза улыбнулась у него на груди и заметила:

– Мне кажется, что вы хотите сказать мне комплимент?

– Ну да, – заметил Павел недовольно, понимая, что она подтрунивает над ним. – Я не умею говорить красивых слов девицам.

– Я уже поняла это. И все же мне нравятся ваши слова.

Они сидели какое-то время молча, втайне наслаждаясь близостью друг друга.

Павел понимал, что так близко находиться к Лизе, а уж тем более обнимать ее слишком опасно. И совершенно не удивился, когда спустя некоторое время его дыхание стало прерывистым и в его голове стали возникать сладострастные интимные образы, главной героиней которых была именно Лиза.

Лиза чувствовала, как голова ее пустеет и заполняется сладостным хмельным туманом. Боль в ране притупилась, и девушка блаженно расслабилась. Сильные руки Павла обнимали ее, прижимая к широкой груди, и это приносило Лизе несравнимое удовольствие. Ее личико было как раз на уровне его плеча, а щека лежала на его ключице. Лиза отчетливо видела его

обнаженный до пояса торс с небольшой порослью темно-русых волос на груди. Это молодое тело мужчины влекло и волновало. Ей вдруг вспомнилось, что у нее есть муж – неприятный лицом и шамкающий беззубым ртом старик, который имел на нее все права. Лиза горько, прерывисто вздохнула и задумалась. А если бы ее мужем был Павел? От этой мысли девушка вся затрепетала, и ее сердце забилося в бешеном темпе. Вдруг в душе она ощутила дикую обиду. Она, такая молодая, должна была провести свои лучшие годы со стариком, а не с этим невероятно притягательным молодым человеком, лишь от одного прикосновения которого ее сердце начинало биться быстрее. Она тяжело вздохнула, предчувствуя, что, возможно, уже никогда не сможет быть счастлива в любви и жить с тем, кого действительно хотела бы видеть своим мужем. В душе Лиза понимала, что все это вскоре закончится, а она отчаянно хотела быть счастливой, хотя бы на краткий миг, хотя бы на мимолетное мгновение. Пусть это будет предательством и гнусностью по отношению к Арсеньеву, но она не пожалеет ни о чем. И сию минуту, в этот краткий миг счастья, ей было все равно. Она словно обезумела.

Лиза немного отстранилась от Павла. Почувствовав это движение, он выпустил ее из своих объятий. Ее взор изменился и стал откровенно призывным, влекущим и словно засветился нежностью изнутри. Она видела, что он как-то непонимающе и внимательно смотрит на нее. Она чуть опустила одеяло и вынула здоровую руку. Улыбнувшись невозможно сладострастно и нежно молодому человеку, она проворковала:

– Вы такой сильный, Павел Александрович...

Вдруг она протянула к нему руку и очень осторожно провела кончиками пальцев по его обнаженному плечу.

Почувствовав ее робкую ласку, Павел, опешив, резко выпрямился. И только тут заметил, что на нем лишь нижние лосины, которые обтягивают бедра. Он так переволновался за нее, когда она начала кричать, что даже не оделся. Пальчики Лизы побежали дальше по его сильной шее и обнаженной мускулистой груди.

– Что с вами, Елизавета Андреевна? Что вы делаете? – удивленно спросил Павел, смутившись, и напрягся всем телом. Молодой человек молниеносно обхватил кисть девушки своей ладонью и отстранил ее ручку от своей кожи, ощущая, как его сердце бешено забилося от ее ласки и близости. Он внимательно посмотрел в ее огромные глаза цвета мяты, и тут его осенило. – Боже, да вы пьяны! – выдохнул он, поняв наконец, что стоит за ее вольными речами. Отпустив ее ручку, он велел: – Ложитесь, Лиза, я гашу свечку.

Корнилов попытался встать, но ладошка девушки тут же легла на его локоть, останавливая. Лиза, скинув с плеч одеяло, придвинулась к нему ближе. Павел вынужденно остался рядом с ней, окончательно остолбенев. Он совершенно не ожидал, что эта прелестница и скромница, которая была так притягательна и желанна, будет вести себя с ним подобным образом, всем видом и взглядами показывая, что он нравится ей.

Испепеляя его проникновенным взором ярких зеленых глаз, Лиза прошептала:

– Вы боитесь меня?

– Похоже, ваша рана перестала болеть, – заметил молодой человек глухо, хмурясь. В том месте, где прикасалась ее ручка, его локоть словно горел огнем.

– Ничего уже не болит, – ответила Лиза и придвинулась вплотную к молодому человеку, приподняла свое лицо к его лицу и, ласково глядя на него снизу вверх, проникновенно добавила: – Мне кажется, что я никогда не встречала мужчину такого притягательного и мужественного, как вы...

– Елизавета Андреевна, замолчите, – глухо, прожигая ее горячим взглядом, пробормотал Корнилов. В его висках уже бешено стучала кровь, а его голову кружил ее сладостный, притягательный запах.

– Мне приятно на вас смотреть, – продолжала Лиза, и ее ручка вновь приподнялась, и она чувственно провела тонкими пальчиками по его подбородку. – Вы невозможно красивый...

– Завтра вы будете чувствовать себя неловко от того, что говорите мне сейчас, – выдохнул Корнилов из последних сил.

– Почему неловко? – спросила по-детски наивно она. – Я говорю о том, что чувствую.

Она нежно провела ладонью по его щеке и несмело прикоснулась пальчиком к его горячим, твердым губам. Павел вновь резко схватил ее запястье, отстранив ее нежные пальчики от своих губ. Он чувствовал, что от этой сладостной пытки и напряжения его сердце вот-вот разорвется на тысячи кусочков.

– Все, заканчива... – голос его прервался, ибо Лиза наклонилась к его руке, которая удерживала ее ладонь, и губы девушки прижались к сильным длинным пальцам молодого человека. – Что вы делаете? – выдохнул он, видя, как ее губы нежно целуют его пальцы, переходя от одного к другому.

Павел чувствовал, что уже не в силах сдерживать себя. Сначала эти ее речи о его силе и красоте, а сейчас она целовала ему руки. Разве можно было выдержать эту сладостную муку? Он уже так долго терпел, не смея прикоснуться к ней. Вспомнил, как прелестно ее тело под рубашкой. Перед глазами Павла все поплыло. Лишь очертания ее головки с золотым ореолом волос он еще различал. Он глухо выдохнул, ощущая, что у него больше нет сил сдерживать свои желания. Его ладони властно обхватили лицо Лизы. Ее завораживающие прекрасные глаза светились неистовой лаской и словно впитывали его всего. Очень медленно он наклонился и приник губами к ее лбу. Лиза почувствовала его горячее дыхание на своем лице. Он словно боялся продолжать свои ласки.

– Это неправильно, – прошептал Корнилов срывающимся от страсти голосом. – Но, видит Бог, я держался как мог...

В следующий миг он наклонился к губам Лизы, и его горящие от страсти и желания упругие губы накрыли ее нежный рот. Руки Лизы немедленно обвили его сильную шею. Она прижалась к нему своим стройным телом. Ощущая ее податливость и сладость губ, Корнилов одной рукой сжал ее талию, притискивая нежный стан к груди, а второй рукой обхватил ее затылок, притягивая лицо к своим губам. Уже через мгновение его поцелуи стали более требовательными и властными. Лиза вдруг тихо простонала, и Павел напрягся. Он резко отстранился от нее, решив, что задел ее раненое плечо.

– Я сделал вам больно? – прошептал страстно он срывающимся голосом, всматриваясь в ее прекрасное лицо.

– Нет, – пролепетала она в ответ. Ее волосы были растрепаны, глаза горели зеленым огнем. Ее раскрытые губы манили своей сладостью. Павел, словно замороженный, не мог оторвать от нее страстного взгляда. Она вдруг провела язычком по своим губам. Корнилов почувствовал, как его накрывает безумная волна желания. Осознавая, что еще миг, и он не сможет остановиться, он резко разжал объятия и порывисто вскочил на ноги, стараясь даже не смотреть более в сторону девушки.

– Все! Довольно этих игр, – буркнул он хрипло и, подойдя к свечке, задул ее. В темноте он пробрался к своей койке и устало лег на постель. Тяжело вздохнув, он почувствовал, как его тело горит безумным огнем, отчаянно желая продолжения ласк.

– Покойной ночи, Павлуша, – проворковала вдруг Лиза в темноту таким нежным призывным голосом, что Корнилов до скрипа стиснул зубы и тихо выругался. «Она что, нарочно дразнит меня?» – подумал он, прикрыв глаза и пытаясь успокоить дыхание.

Глава VIII. Полоцк

Лиза проснулась от криков, раздававшихся отовсюду. Услышав знакомый звук походного горна, который играл общий сбор, она медленно села на постели. Отметив, что через большую щель в палатку проникает утренний яркий свет, она огляделась. Корнилова не было. Она нахмурилась и вспомнила все, что произошло нынешней ночью. Воспоминания о тех вольных словах, которые она говорила Павлу, вызвали на ее лице густой румянец. Она поняла, что опьянела от коньяка, который молодой человек дал ей. Оттого говорила Павлу недопустимые, вызывающие соблазнительные слова. Да, Лиза осознавала, что в те мгновения говорила правду о притягательности молодого человека, но все же ее слова были до невозможности неприемлемыми для юной благовоспитанной барышни. Мало того, она хватала Корнилова за руки и гладила его плечи. Вспомнив все, Лиза ощутила, что ей становится не по себе. Неудивительно, что он поцеловал ее, ведь она, потеряв всякий стыд, завлекала его, словно кокотка.

Нешадно ругая себя, Лиза, присев на койку и сняв рубашку, осмотрела рану. Утренная перевязка не требовалась, бинты были сухими. Лиза встала и, протянув руку, достала с края койки свое темно-синее, из плотной ткани платье. Она очень долго надевала его, потому как повязка на плече мешала ей. Наконец, справившись с платьем, она надела обувь. Встав, покопалась в своей сумке и достала расческу. Лишь эта сумка после нападения осталась с нею, так как она невольно захватила ее, когда выходила из кареты. Нынче здесь были зеркальце, пудра, помада и расческа с лентами, а также шкатулка с драгоценной брошью и кулон с портретами родителей. Умело расчесав волосы, девушка отметила, что они опять стали пыльными. Лишь однажды с помощью Саши ей удалось вымыть их, накануне нападения французов. А в остальные дни она умывалась лишь одной рукой. И теперь очень хотела помыться полностью. Но просить о помощи Павла она стеснялась. Лиза попыталась заплести косу, но движения раненой рукой все еще причиняли ей нестерпимую боль. Тяжело вздохнув, она поняла, что вновь придется ходить с распущенными неубранными волосами.

Как раз в этот момент в палатке появился Корнилов. Он принес завтрак. Два котелка с кашей и большой котелок с травяным чаем. Поставив все на походный стол, он без предисловий заявил:

– Мы меняем позиции. Завтра отходим к Полоцку, видимо, будем отступать с боями. Более оставаться вам в лагере весьма опасно.

– Я понимаю, – ответила Лиза, пристально смотря на него и отчего-то вспоминая, как молодой человек умело и страстно целовал ее ночью. – Странно, что Петр все еще не приехал за мною сюда. Ведь прошло уже десять дней, как я здесь.

– Идет война. Вряд ли ваш брат сможет быстро приехать за вами. Вы должны быть к этому готовы, – отрезал Павел, прекрасно зная, что никакого письма он никуда не отправлял. Мысль о том, что за Лизой приедет брат и заберет ее, была болезненна для молодого человека. Да, он прекрасно понимал абсурдность своих действий и осознавал – девушке здесь не место. Но его странная привязанность к ней, а в последние дни и явная необходимость в ее обществе заставляли Корнилова и дальше откладывать написание письма Петру Николаеву. – Я постараюсь сегодня найти место, куда перевезти вас.

– Благодарю вас, Павел Александрович, мне так неудобно обременять вас, – произнесла тихо Лиза.

– Прошу, только не надобно вновь об этом. Я уже много раз говорил вам, Елизавета Андреевна, забота о вас мне не в тягость...

Он придвинулся к ней, и Лиза отметила его поглощающий ласковый взор серо-зеленых глаз, направленный на ее лицо. Вдруг, вспомнив о вчерашней ночи, она смущенно опустила глаза и тихо сказала:

– Я хотела извиниться за свое вчерашнее поведение. Я вела себя непозволительно. Видимо, коньяк так подействовал на меня, что я...

Она замялась и подняла глаза на молодого человека. Отчетливо увидев, как он поменялся в лице, она замолчала. Корнилов побледнел, словно полотно. На его недовольном властном лице горели лишь одни глаза.

– Да, действительно, вчера вы вели себя непозволительно, это так, – процедил Павел, чувствуя, что гнев закипает в нем. Именно эти слова он и боялся услышать от нее сегодня. Все утро Корнилов напряженно думал о том, что произошло ночью. Тот поцелуй, слова девушки и ее ласки выбили его из колеи. Все утро, вспоминая это, он весь трепетал, чувствуя неведомый доселе восторг от чувств, которые переполняли его существо. И сейчас ее раскаяние в том, что произошло, словно острый нож, врезалось в его сердце. Как он боялся того, что она будет жалеть о том, что делала вчера, о том, что принесло ему сладостную упоительную муку. «Лучше бы она промолчала, – подумал Павел с горечью. – Или сделала вид, что ничего не произошло...»

– Обещаю вам, Павел Александрович, впредь этого не повторится, – добавила Лиза тихо. Она замолчала, потому что взор Корнилова загорелся такой яростью, что она нахмурилась, не понимая, отчего он так гневно смотрит на нее.

– Нет нужды извиняться, Елизавета Андреевна. Мне совершенно безразлично то, что произошло вчера, – холодно процедил он.

Она жалеет об их поцелуе, гневно подумал про себя Корнилов. И раскаивается... Понятно, что из них двоих только он ни в чем не раскаивался! А она вовсе и не хотела его целовать. И виной ее поведения был коньяк. Это он, как мальчишка, потерял голову...

Павел заставил свои мысли замолчать, ибо чувствовал, что еле сдерживает себя.

Он быстро отвернулся от Лизы, не в силах более смотреть на девушку, и начал искать в сундуке нужную сбрую, старясь заглушить в себе дикое чувство обиды и злость, которые пожирали его. Через минуту, не в силах более выдержать напряжения, Корнилов вылетел из палатки, совершенно забыв о каше, которую принес четверть часа назад.

Весь день слова раскаяния от Лизы не шли у Павла из головы. Получается, не так уж она наивна и скромна, как он напридумывал себе, злился Павел. К чему бы привела эта связь, если бы сам он не сдержался и не остановил ее, думается, ни к чему хорошему. Ему пришлось бы взять всю ответственность за судьбу Лизы на себя, но в его зависимом от военной службы положении это было невозможно. Он должен был сохранить свою честь, чтобы не вызвать сплетен. Надо было принимать какое-то решение, и он его принял. Держа в голове мысль о безопасности и присмотре за Лизой, он заехал в одну знакомую деревню и договорился с хозяйкой, простой селянкой, у которой его рота стояла на постое чуть ранее, о приюте и помощи для Лизы. И, дав ей денег и решив свое затруднение, со спокойной душой вернулся под вечер в лагерь.

Когда он вошел, Лиза, смущенно подняв глаза, сразу же обратила внимание на холодное, непроницаемое выражение его лица. Едва бросив быстрый взор на девушку, сидящую на койке, он на ходу, расстегивая доломан, кратко осведомился:

– Доктор Коваль был?

– Да, – произнесла Лиза, не спуская с него настороженного и внимательного взора. – Он сменил мне повязку.

– Рад, – сухо бросил Павел, стягивая с себя одежду, повернувшись к ней спиной. Оставшись обнаженным до пояса, он повернулся к ней и, холодно взирая на девушку, отрывисто произнес: – Я, как и обещал, нашел вам место в одной деревне в сорока верстах от Полоцка, но отсюда будет недалеко, всего в получасе езды верхом. Там вы будете в безопасности и под присмотром. Я говорил с хозяйкой, она из простых, живет одна с малолетним сыном и согласна дать вам приют и помощь. Собирайте вещи, Елизавета Андреевна. Я отвезу вас к ней.

- Сейчас? – тихо спросила Лиза, заметив, что Корнилов, как и с утра, сильно не в духе.
– Да, – бросил кратко Павел и, отойдя от нее, начал умываться.

Лиза пристально посмотрела на его широкую спину и, вздохнув, начала обуваться. Искося бросая заинтересованные взоры в сторону Корнилова, она встала и начала собирать свои немногочисленные вещи в сумку. Когда он закончил мыться и обернулся к ней, она уже приготовила небольшой тюк с двумя платьями и бельем. Быстро скользнув восхищенным взглядом по его сильной шее, мощному торсу, плоскому животу и мускулистым рукам, Лиза быстро опустила глаза вниз, опасаясь того, что он заметит, как она разглядывает его. Павел, увидев, что девушка готова, быстро натянул на себя нижнюю рубашу и чистый доломан и коротко бросил:

- Посидите пока. Я привяжу ваши вещи.

Лиза послушно села. Холодность и недовольство сквозили в каждом жесте и фразе молодого человека, и это напрягало Лизу. Она не могла найти объяснения его поведению и решила, что молодой человек просто устал. Все же, кроме постоянных опасных переделок, боев и вылазок, он должен был заботиться еще и о ней.

Когда он вернулся спустя некоторое время, девушка стояла возле койки, она ожидала его, готовая к отъезду. Павел молча оглядел ее с ног до головы и, стянув с гвоздя свой плащ, приблизился и накинул ей его на плечи. Лиза хотела сама вытащить свои волосы, но Корнилов, к ее удивлению, проворно просунул руку в плащ и сам осторожно вытянул их, положив сверху плаща.

– Благодарю, – произнесла Лиза, скользнув ласковым взглядом по высокой фигуре молодого человека, которая возвышалась над нею. Павел проигнорировал ее взор и, нахмурившись, сказал:

– Пойдемте, необходимо успеть до вечера. Мне к девяти на сбор. Обопритесь на мою руку, вам будет легче идти.

– Да, благодарю вас, – кивнула Лиза и ухватила за его подставленный локоть. Ощущение удовольствия от его близости заполнило ее, и Лиза почувствовала, как ее сердце забилося быстрее.

Они вышли наружу и приблизились к его жеребцу.

Чуть наклонившись к Лизе, Корнилов подхватил девушку на руки. Она вся сжалась, чувствуя его сильные руки, которые без труда держали ее. Быстро закинув девушку на круп высокого коня и посадив боком, Павел поправил ее юбку, прикрывая ноги в чулках. А затем, привычным движением всунув ногу в стремя, ловко вскочил в седло позади нее. В ту же секунду, приподняв колени девушки, он положил ее ноги сверху своего бедра, устроившись в седле удобнее. Чувствуя, как сильная рука Павла обхватила ее за талию, притиснув к своей широкой груди, Лиза вновь почувствовала, как сердце забилося глухими сильными ударами. Натянув поводья, Корнилов взглянул на нее сверху и спросил:

– Вам удобно, Елизавета Андреевна? Все хорошо? – Лиза лишь кивнула, ощущая, что у нее перехватило дыхание от того, как он прикасался к ней, и она вряд ли может ответить ему. – Тогда в путь.

Молодой человек прищипорил коня и пустил его иноходью. Они не проехали и нескольких верст, как Лиза ощутила, что ею завладело чувство невероятного счастья от близости Корнилова. Его притягательная сила, молодецкая удаль и твердый мужской характер сочетались в нем в совершенстве. Даже в самых смелых мечтах ранее в девичестве, да и после вынужденного замужества Лиза не могла предположить, что жизнь случайно сведет ее с таким привлекательным мужчиной. Желание смотреть на него, просто быть рядом, говорить с молодым человеком – все это приносило девушке неимоверную радость и воодушевление.

Однако ее удручало его странное поведение сегодня. Она отчетливо видела его сердитый колючий взор и чувствовала, что он недоволен ею. С самого момента знакомства Корнилов

никогда так себя не вел. И теперь Лиза пыталась разгадать причину его мрачного вида и осуждающего взора, но никак не могла ее найти.

К тому же девушка была невероятно смущена, отчетливо ощущая свой женский запах, все-таки она нормально не мылась более недели. Она предполагала, что Корнилову, возможно, неприятно чувствовать его. Она постоянно пыталась чуть отодвинуться от молодого человека, сгорая от стыда. Спустя некоторое время Корнилова начала раздражать возня девушки. После очередного неуклюжего движения Лизы в попытке отстраниться от него Павел рывкнул:

– Перестаньте ерзать, сударыня, мне и без того трудно держать вас!

После его раздраженного окрика Лиза замерла и, отвернув от него голову, решила подчиниться.

Рука Павла с силой сжимала ее упругий, немыслимо тонкий стан. Ощущение ее удивительной легкости, сладостного, присущего только ей аромата, притягательной мягкости, женской соблазнительности не оставляли его с того самого момента, как он взгромоздился в седло позади девушки. Возбуждение от ее близости и сильное плотское желание завладели им и сопровождали всю дорогу. Он понимал, желательно скорее доехать до места. Однако быстро скакать было нельзя. От сильной тряски Лизе могло стать хуже. Он крепко прижимал девушку к себе. Ее щека касалась его груди, а распущенные мягкие волосы переливались светлым золотым шелком в вечернем свете. Он безумно хотел поцеловать ее в золотистую макушку, которая находилась очень близко от его губ. Но сознавал, что девушка, вероятнее всего, этого не желает. Именно это он понял из их утреннего разговора. Сжав зубы, он пытался отвлечь сумбурные мысли от Лизы, стараясь не показать ей своего волнения. Через полчаса его сладостная попытка закончилась.

Подъехав к старой деревенской избе, огороженной через двор плетеной изгородью, Корнилов остановил коня и проворно спрыгнул на землю. Протянув руки к Лизе, он без церемоний обхватил ее сильными руками за талию и стянул с коня. Однако на землю не поставил, а ловко подхватив девушку, понес в направлении калитки. Лиза уже вознамерилась протестовать, но в этот момент калитка в изгороди открылась, и навстречу им вышла немолодая женщина, с виду лет сорока, невысокого роста и с улыбающимся, покрытым мелкими морщинами смуглым лицом. Одета она была в простое темно-красное платье со шнуровкой на груди, под которым красовалась белая, из тонкого холста, расшитая красной нитью по вороту и рукавам рубашка, голова была покрыта белым платком, а на ногах невысокие козловые сапожки. Низко поклонившись, она с заискиванием в голосе сказала:

– Быстрехонько вы приехали, ваше благородие!

Корнилов подошел к ней и коротко поздоровался:

– Вот, Стефа, постоялицу тебе привез, о ней нынче говорил с тобой. Знакомьтесь, Елизавета Андреевна зовут.

– Да поняла я уже, Павел Александрович. Пожалуйста в избу, не прогневайтесь, у нас все по-простому, – сказала женщина, услужливо пропуская их на двор.

Корнилов с Лизой на руках направился через двор к избе.

– Добрый день, – кивнула Лиза женщине, когда они проходили мимо Стефании. Женщина добродушно улыбалась им, и Лизе она показалась приятной и простодушной.

– Добрый день, барышня, – бросила женщина, оглядывая девушку на руках Корнилова. Станный, подозрительный и оценивающий взор Стефы весьма не понравился Лизе. Она просяще вымолвила:

– Павел Александрович, прошу, поставьте меня на землю, я сама могу...

– Вы хотя бы единый раз могли бы не спорить и сделать то, что угодно мне? – резко перебил ее Павел, впери в нее недовольный быющий взгляд. Под его властным подавляющим взором Лиза сразу же сникла и, отвернувшись в сторону, более не собираясь ничего ему говорить.

Стефания засеменила за ними в избу, быстро открывая дверь и провожая их в горницу.

– Проходите сюда. Вот эта небольшая горница как раз подойдет, – указала женщина на крохотную комнатку, примыкающую к большой горнице. В комнатке была кровать, лавка и небольшой сундук для вещей. – Сажайте ее на кровать.

Корнилов осторожно опустил Лизу на указанное место и важно сказал:

– Она после ранения. Присмотрите за ней, пожалуйста. Я буду приезжать так часто, как смогу. Пока не знаю, на какое время понадобится ваша помощь.

– Конечно, конечно, пусть Елизавета Андреевна живет сколь надобно. Накормлю ее и присмотрю, Павел Александрович. Вы столько денег дали, что на год вперед хватит, – добавила Стефа, с интересом рассматривая белокурую молоденькую девушку, которой на вид было не более семнадцати лет. «Красавица, – без промедления сделала вывод Стефа. – Неудивительно, что ротмистр так печется о ней, явно глаз на нее положил». Женщина перевела взгляд на высокого широкоплечего Корнилова и тут же поймала красноречивый горящий взор молодого человека, направленный на девушку, которая в этот момент развязывала тесемки плаща. Павел быстро отвел глаза от девушки, и Лиза не заметила его взгляда. Однако Стефа все отчетливо отметила и хитро улыбнулась, найдя очевидное подтверждение своим догадкам. – Вы тоже будете жить у нас?

– Вряд ли у меня получится. Я постоянно нужен в полку, – заметил Павел. – Но я буду приезжать каждый день, утром или вечером.

– Приезжайте, когда вам будет угодно, – кивнула женщина.

– Спасибо вам, – произнесла Лиза тихо и по-дружески улыбнулась ему. Корнилов как-то весь засуетился и быстро заметил:

– Теперь мне пора, до завтра.

Он бросил на Лизу последний долгий колючий взгляд и вышел из комнатки. Лиза проводила его высокую фигуру долгим взором и вздохнула. Молодой человек вышел на двор и через минуту вернулся с вещами Лизы. Молча поставив тюк рядом с кроватью на деревянный пол, он поклонился Лизе, кивнул небрежно хозяйке и исчез за дверью. Едва Корнилов покинул избу, Стефа, подбоченившись, улыбнулась и спросила:

– Ну как, барышня, откусать желаете?

– Очень, – кивнула Лиза.

– Ушица еще горячая, в печке томится, да пирог с грибами только поспел, будете?

– Конечно, если можно, – кивнула Лиза и улыбнулась.

– Может, вам еще чего спроворить? Так я мигом.

– Наверное, нет, – тихо сказала Лиза, боясь причинить лишнее беспокойство женщине. Она, словно кукла, сидела на постели и даже не шевелилась.

– Что-то вы уж больно стеснительны. Не бойтесь меня, говорите как есть, – сказала Стефания. – Раз у меня в доме жить будете, надобно нам подружиться. Вот сынок мой из леса вернется, я вас познакомлю. Двенадцатый годок ему пошел. Он у меня один помощник, с тех пор как отец его на войну ушел.

– Тяжело тебе, наверное, достается, одной-то с хозяйством управляться? – тут же заметила участливо Лиза. – Да еще я, одна морока.

– Ну, тоже скажете, барышня. Не тяжела мне жизнь такая, я уж привыкшая. Муж-то мой, – горестно вздохнула женщина, – постоянно в поле работал да на реке сети закидывал, только ночевать-то и приходил, все хозяйство на мне было. А летом я ему и в поле помощь, это мне тоже привычно. Мне вас как Бог послал. Пятьдесят рублей, что ротмистр дал за уход за вами, нам с мужем ни в жисть было не накопить, так что живите на здоровье да выздоравливайте. Нынче благодаря вам нам оброк, наверное, пяток лет есть чем платить, корову и пару лошадей купим, в хозяйстве они сильно сгодятся.

– Я рада этому, Стефания, – ответила Лиза по-доброму.

– Так что давайте не тушуйтесь, барышня. Я как-никак вам в матери гожусь. И говорите все как есть.

– Хорошо, Стефания, – кивнула Лиза уже более открыто. – Если можно, я бы хотела помыться. Мне кажется, я такая грязная, почти две недели не мылась.

– Зачем же дело стало? Теперича Никитка вернется, велю ему баню истопить. Да попарю вас как следует.

– Спасибо, – улыбнулась ей Лиза облегченно.

– Только вот вы сами-то идти сможете?

– Конечно.

– А то я подумавши, что и ноги ваши немощны, раз ротмистр на руках носил.

– Нет, вовсе нет, – смущенно заметила девушка. – Я сама могу, у меня только плечо ранено, и все.

– Тогда хорошо. Пошли, глянете, где умыться будете. Умоетесь, да кушать будем.

Лиза улыбнулась и медленно встала. Она направилась за Стефой в большую горницу.

Спустя некоторое время Лиза с удовольствием ела рыбное варево и нахваливала суп:

– Уха отменная. У нас в имении моего покойного отца повариха не умеет такую вкусную уху стряпать.

– Дак я старинный рецепт знаю, как надобно настаивать ее да какую травку положить для вкуса, вот она такая и получается, – объяснила Стефания, раскрасневшаяся и довольная похвалой Лизы.

Глава IX. Земляника

Только ближе к вечеру на следующий день Павел смог выбраться к Лизе, поскольку весь день провел в седле, по приказу командования, скрытно наблюдая за передвижением французских войск в окрестностях Полоцка. Вот уже больше месяца после первого сражения за город враждующие стороны избегали активных боевых действий, ожидая подкреплений и собирая силы, готовясь к новому сражению и обороне. Едва он вошел в горницу, с сумкой наперевес, как три пары глаз уставились на него. Лиза и Стефа сидели на лавке за столом, перебирая крупу, а светловолосый худой паренек что-то мастерил по хозяйству.

– Добрый день, Павел Александрович, – угодливо сказала Стефа, вскакивая со скамьи. – Вы как раз ко времени. Скоро вечерить будем.

– Я ненадолго, – бросил Корнилов коротко, и его взор тут же остановился на Лизе, которая молча смотрела на него. – Перевяжу Елизавету Андреевну да дух переведу. А потом обратно в полк.

– А я пирог с рыбой спекла, да каша гречная с салом вам в охотку будет, – не унималась Стефания.

– Я не голоден, – бросил сухо Павел и, пройдя в комнатку Лизы, поставил сумку на лавку. Лиза, извинившись перед Стефой, встала и последовала за ним, видя, что Корнилов все еще не в духе, оттого так невежлив и немногословен, словно еж, который кидается иголками. Она прикрыла дверь и спросила:

– Что слышно о французах, Павел Александрович?

– Пока все как было, затишье. Но иногда стычки случаются, в основном с их разведкой, – хмурясь и поворачиваясь к ней, ответил Павел. – Завтра мост отстаивать будем, чтобы французу просто так не отдавать, на крайний случай сожжем.

– Поберегите себя, Павел Александрович, – тихо сказала Лиза, присаживаясь на кровать.

– И вам будет жаль, если меня убьют? – с какой-то странной надеждой в голосе спросил Павел, испепеляя ее взором настойчивых горящих глаз.

– Да, – искренне кивнула она. – Но думаю, этого не произойдет. Вы умелый воин. Много раз бывали в сражениях. И ничего не страшитесь.

– Всем страшно, Елизавета Андреевна, – вздохнув, заметил Корнилов и вдруг, как будто оттаяв, улыбнулся ей. – Только кто-то может преодолеть свой страх, а кто-то трусит перед врагом.

Он наклонился к своей сумке и извлек оттуда небольшую округлую берестяную коробочку. Открыл ее и, приблизившись к Лизе, протянул.

– Это вам, Елизавета Андреевна, – произнес он проникновенно, не спуская с нее поглощающего взора. – Вчера я был резок с вами, вы должны простить меня.

Лиза, опешив, осторожно взяла коробочку из его широкой ладони и заглянула в нее. В ней лежали ягоды земляники, спелые и ароматные.

– Вы набрали их для меня? – спросила она удивленно, поднимая на него сверкающие зеленые глаза.

– Ну да, – кивнул Павел и добавил: – Конечно, это глупый подарок, но кругом война...

– Я понимаю, – кивнула Лиза и опустила взор, видя, как его глаза разгорелись темным страстным светом. – Благодарю...

– Давайте я перевяжу вас, а то у меня времени в обрез. Отдыху мне дали всего четыре часа, а потом снова на построение.

Она подняла на него взор и, отставив коробку в сторону, ласково произнесла:

– А вы вместо отдыха приехали ко мне?

– Надобно же было узнать, как тут у вас дела, – пробурчал Павел, смутившись от ее благодарного прелестного взора. Он вновь обратился к сумке и начал доставать бинты и корпию. Лиза принялась проворно расстегивать платье. Он уже обернулся к ней и, подойдя, предложил: – Я помогу...

После чего ловко расстегнул все пуговицы на ее платье. Он осторожно опустил одеяние с плеч Лизы, обнажая девушку до талии. Она, как и в прошлые разы, начала сильно краснеть и отвернула от Корнилова лицо, подняв здоровой рукой волосы, чтобы не мешали ему. Встав над нею, Павел начал умело развязывать бинты, осторожно касаясь ее тела. От охватившего ее стыда и от его прикосновений Лиза замерла, дрожа от странного озноба, который овладел ее телом. После того как Корнилов снял старую повязку, он наклонился сильнее к ее ране и тихо произнес:

– Рана быстро заживает. Думаю, что через несколько дней перевязка вообще не требуется.

– Вы так думаете? – Лиза обратила к нему свое лицо и мгновенно пожалела об этом. Его страстный потемневший взор красноречиво сказал ей, что эта ситуация слишком интимна для них обоих. Его взор прямо испепелял ее, а горячее дыхание обжигало висок. Судорожно сглотнув, Лиза быстро отвернула в сторону от него свое залившееся краской лицо, чувствуя, что вся трепещет от его близости.

Павел начал обрабатывать рану мазью и накладывать новую повязку. Он уже почти закончил, когда Лиза, решив разрядить напряженную обстановку, заметила:

– Вы не должны часто приезжать сюда, вам нужно больше отдыхать.

– Елизавета Андреевна, только не надобно поучать меня. Я не маленький, – парировал молодой человек, завязывая концы повязки и закрепляя ее. – Я прекрасно могу решить сам, что мне следует делать, а что нет.

– Но я тревожусь о вас, – прошептала она. Его руки замерли. Она вновь повернула к нему лицо. Его взгляд обжигал, и Лиза поняла, что он хочет ее поцеловать. Он наклонился над ней еще ниже. Одной рукой обнял за обнаженную спину, другой трепетно прикоснулся к ее лицу. Легко и осторожно он провел пальцем по ее пухлой и нежной нижней губе и негромко проговорил:

– В последние дни я думаю только о вас, Елизавета Андреевна. Если бы вы знали, как мне тяжело вдали от вас...

В следующий миг он легко приподнял ее одной рукой, стиснув сильной ладонью ее спину и притягивая податливый стан к своей груди. Его лицо приблизилось к ней вплотную. Лиза поняла, что в этот миг он поцелует ее, и в предвкушении этого девушка чуть приоткрыла ротик. Но в последний момент, видимо, не решившись на столь смелый поступок, Корнилов прижался щекой к ее щеке и прохрипел:

– Мне пора. Долее оставаться рядом с вами опасно...

Он тут же выпустил Лизу из своих объятий и, осторожно посадив девушку на кровать, начал дрожащими руками убирать корпию в сумку. Едва закончив и бросив на Лизу какой-то дикий, лихорадочный взгляд, Павел, даже не попрощавшись, стремительно выскочил из ее горницы. Лиза растерянно посмотрела ему вслед, так и оставшись сидеть в спущенном до талии платье, прикрывая руками обнаженную грудь. Услышав, как хлопнула в избе входная дверь, она тяжело вздохнула и стала приводить себя в порядок. Покончив с этим, она вернулась в большую горницу, где хозяйка уже ставила на стол исходящий паром чугунок с кашей.

– Давайте уже вечерить, – сказала Стефа, раскладывая кашу по деревянным мискам. Лиза вымыла руки и села за стол. За трапезой женщина, как-то внимательно поглядывая на девушку, вдруг произнесла: – Я вас, барышня, давно спросить хочу, только не серчайте.

– Спрашивай, Стефа, – согласно кивнула Лиза.

– Павел Александрович, он вам кто? Жених?

– Нет, конечно, – опешила Лиза.

– А я подумала, жених. Так уж он о вас печется да заботится. И перевез-то вас подальше от стрельбы да навещает часто, хоть и служивый.

– Он жизнь и честь мне спас. Я благодарна ему. И, видимо, думает, что должен заботиться обо мне.

– Да уж видно по нему, – покачала головой Стефа. – Да заметила я, нравитесь вы ему, смотрит как-то по-особому, с сердечным интересом, что ли.

– Тебе так видится? – удивленно спросила Лиза, в душе ощущая ликование от слов Стефы.

– Видать со стороны это, – объяснила Стефа, по-доброму улыбнувшись Лизе. – А что же, жених-то есть у вас?

– Нет, – ответила девушка смущенно, опуская взор.

– А ротмистр-то нравится вам?

– Я не хочу об этом говорить, – проямлила Лиза, окончательно стушевавшись под внимательным взором Стефы.

– Ну да, ну да. Я вам скажу – видный он мужчина. Я бы на вашем месте, Елизавета Андреевна, присмотрелась к нему. Вдруг что и выйдет у вас.

– Есть много препятствий этому, – печально ответила Лиза, горько вздохнув, ибо вмиг вспомнила об Арсеньеве. – Даже если бы я захотела, мы бы не смогли быть вместе.

– Неужто так? Думается, Павел Александрович будет ох как не против.

– Дело не в нем, – прошептала девушка, поднимая глаза на женщину. – Прошу тебя, Стефания, более не будем говорить о том.

– Как скажете, барышня. Я к чему спрашиваю вас. Ведь я могу перевязывать вас сама, вместо Павла Александровича. А то я думаю, вам вовсе стыдоба, чтобы мужчина видел вас без одежды.

– И правда, мне уж так неловко, когда он делает это. Не знаю, куда провалиться от стыда.

– То-то и оно. Я так уж и догадалась. Ему-то что, он мужик, чего не видел-то, а вы девица-то невинная еще. Не дело это, чтобы он сам делал это, все же не лекарь он.

– И ты умеешь перевязывать?

– Конечно, это дело нехитрое. Тем более я видела, что ротмистр привез целую сумку бинтов да корпии.

– Я была бы очень благодарна, Стефа, – приветливо сказала Лиза.

Прошла неделя. Лиза почти полностью поправилась. Перевязки ей уже не требовались. Она сама накладывала на рану чистую салфетку, прикрепляя ее булавкой к платью. Павел появлялся ежедневно, хоть на полчаса, но непременно. В первый день, узнав, что Стефа сама перевязала девушку, Корнилов лишь недовольно вспылil, заметив, что Лиза зря просила хозяйку об этом, ибо она, не имея опыта, наверняка плохо справится с делом. Но этого не случилось. И уже на следующий день после заявления Лизы о том, что повязка не спала и она чувствует себя вполне хорошо, молодой человек промолчал, а затем перевел разговор на другую тему. Во время встреч Павел обычно подолгу сидел рядом с Лизой, пока она перебирала крупу или вязала, помогая Стефании. А через несколько дней, когда девушка окончательно поправилась, предложил ей прогуляться по небольшому пролеску, находящемуся недалеко от избы.

Во время этих недолгих прогулок Павел рассказывал ей о службе, неудачах и постоянном отступлении русской армии. О том, что Витгенштейн делает все, чтобы сдержать неприятеля в его наступлении. Иногда он рассказывал забавные случаи из своей службы, пытаясь шутить. Но у него плохо это получалось. Лиза понимала, что Корнилов слишком серьезный, жесткий, дисциплинированный и властный мужчина для этого. И выступать в роли балагура и весельчака у него вряд ли когда-нибудь получится.

Наедине с Корниловым Лиза больше молчала. Она то и дело смущалась под его пристальным, горящим взглядом, наслаждаясь каждым миготом, проведенным рядом с Павлом. Молодой человек более не прикасался к ней и даже не пытался поцеловать. Он был до крайности вежлив с ней. Но Лиза отчетливо замечала, как Корнилов то и дело настойчиво и выразительно останавливает свой взгляд на ее губах, явно желая чего-то большего. Но сейчас у него не было повода приблизиться к ней, и ему приходилось сдерживать свои желания.

В тот день Корнилов приехал днем. Лиза была одна в горнице. Стефа с Никиткой были в поле. Девушка перебирала крупу, когда, подняв глаза, увидела на пороге Павла, держащего свой кивер под мышкой. Она встрепенулась, ощущая, что невозможно рада видеть его. Он поздоровался и коротко осведомился, как у нее дела. Лиза ответила, что все в порядке, а хозяйка в поле с самого утра, и в тот же миг отметила, как разгорается его серо-зеленый взгляд. Смутившись, Лиза вновь принялась перебирать крупу, искоса наблюдая, как молодой человек засуетился и начал ходить по горнице от окна к двери, словно что-то его чрезвычайно волновало. Она ждала его обычного предложения прогуляться, но он упорно молчал.

– Вы позволите мне присесть, Елизавета Андреевна? – вдруг спросил он, останавливаясь напротив нее.

– Конечно, садитесь, Павел Александрович, – произнесла Лиза тихо, заметив, что он бледен и нервно кусает губы. Корнилов сел напротив и положил свой кивер на стол. Он опять замолчал, а Лиза опустила глаза на пшено, которое перебирала. Ее щеки горели ярким румянцем под его напряженным, жадно смотрящим на нее взглядом. Он начал нервно постукивать пальцами по столу, и Лиза, желая разрядить обстановку, спросила: – Вы так и не получили ответного письма от моего брата Петра?

– Пока нет, – глухо ответил Павел. Увидев, что она подняла на него глаза, он тут же смутился под ее чистым проникновенным взглядом. Он боялся того, что Лиза заметит лживость в его глазах и догадается, что он до сих пор так и не написал поручику Николаеву.

– Может, вам еще раз написать? – предложила девушка. – Возможно, письмо затерялось где-то в дороге?

– Должно быть, – кивнул молодой человек. – Напишу. По последним данным, первая армия Барклая-де-Толли в Смоленске. С первым же гонцом туда отпишу в штаб армии с просьбой отыскать вашего брата.

Лиза вздохнула и задумчиво посмотрела в окно.

– Знаете, Павел Александрович, я все думаю, – начала тихо Лиза. – Я уже поправилась. Может, мне вернуться домой? Я уже так долго здесь. Наверное, мачеха волнуется за меня. Мне теперь кажется, было ошибкой ехать сюда, так далеко. Из поместья напишу Петру и буду ждать, когда он сможет приехать к нам.

Павел, который в этот миг слишком настойчиво смотрел на ее лицо, упиваясь каждым миготом этого краткого свидания с обожаемой девушкой, почувствовал, что последняя ее фраза огорошила его. Он окаменел, будто чья-то рука стиснула ему горло.

– А что же я? – не сдержавшись, выпалил Корнилов, и Лиза посмотрела на него непонимающим взглядом.

– Вы? Что вы? – пролепетала она, не понимая, к чему он клонит.

– Как вы не понимаете, Елизавета Андреевна. Я очень привязан к вам, и сейчас для меня вы единственная светлая радость в этом кровавом хаосе войны, – на одном дыхании произнес он. Лиза устремила на него опешивший взгляд и вдруг отчетливо поняла, что молодой человек говорит искренне. И, видимо, не может сказать, что влюблен в нее, и оттого излагает так замысловато. Ведь она ясно видела в эту минуту страсть и пожар в его потемневших глазах. Но Лиза не хотела, чтобы Павел влюблялся в нее, это было бы неправильно и нечестно с ее стороны, ведь он не знал всей правды о ней. Да, она хотела его страсти и влюбленности для

себя, ибо сама сию минуту испытывала к нему сильные нежные чувства. Но у этих чувств не было будущего. Горько вздохнув, она вымолвила:

– Вы должны понять, Павел Александрович. Я не могу остаться здесь, с вами, это неправильно и просто невозможно.

– Да понимаю я, не глупец! – вспыхнул Корнилов, резко поднимаясь из-за стола и вновь начиная мерить горницу шагами. Через минуту он вдруг остановился напротив нее и, испепеляя ее взглядом, произнес: – Поймите, дороги нынче очень опасны. И я не могу допустить, чтобы вы ехали одна куда бы то ни было. Давайте решим так. Я отправлю еще одно письмо вашему брату, и мы вновь будем дожидаться ответа. А уже в сентябре решим, как поступить с вами.

Лиза молчала, так как ее раздирали противоречивые чувства. Она мучилась желанием остаться с ним и в то же время осознавала, что это невозможно, долг жены Арсеньева призывал ее вернуться в Петербург.

– Вы согласны, Елизавета Андреевна? – он устремил на нее поглощающий властный взор, и Лиза, не в силах отказать ему, понадеявшись, что все разрешится к лучшему, ответила:

– Хорошо, я согласна.

– Что же, вот и сладили, – кивнул он. Уже через миг Павел оказался за спиной Лизы. – Поймите, Елизавета Андреевна, я желаю вам лишь добра...

Он медленно приблизился к ней вплотную. Лиза почувствовала, как от него исходит жар, горячими волнами проникая ей под кожу, дурманя голову, делая ее слабой и покорной его власти. В следующий миг она вздрогнула, ибо ладонь молодого человека очень осторожно прикоснулась к ее волосам, заплетенным в косу на затылке. Замерев, она осталась сидеть на месте, и лишь ее пальцы непроизвольно выпустили зерно. Рука Павла очень медленно спустилась по ее волосам, лаская их, и остановилась на шее девушки. Лиза задрожала всем телом, предчувствуя, что сейчас произойдет нечто невозможно интимное. Его сильные руки властно легли на ее плечи и, глядя их пальцами, спустились по ее рукам, отдавая им нежную ласку.

– Знаете, Елизавета Андреевна, только одно мучает меня, – произнес Корнилов низким обволакивающим баритоном. – Отчего мы встретились посреди этого ужаса? Отчего я раньше не видел вас? Отчего судьба так несправедлива? И я не могу побыть дольше рядом с вами?

Он склонился к ней, и его руки с неистовством сжали ее плечи, а губы страстно прижались к ее нежной шее сзади. Лиза вся затрепетала от его ласки и в следующий миг, когда его губы чуть отстранились, выгнулась ему навстречу и подняла лицо, потянувшись к нему губами. Павел стремительно сверху приник к ее зовущему рту, приподнимая девушку со скамьи и притягивая к себе на грудь. Лишь спустя некоторое время он отпустил ее губы и, словно куклу, полностью вытянув Лизу из-за лавки, поставил рядом с собой. Проворно обвив руками ее стройный стан, Корнилов властно устремил взор в ее чудные очи.

Она смотрела на него огромными невинными глазами, совершенно открыто и не смущаясь, словно он был единственным смыслом ее существования в этот миг времени. Павел понял, что, если тотчас его губы вновь не прикоснутся к ее притягательному рту, он просто умрет. Он вновь склонил голову к губам Лизы и, притиснув девушку к своей широкой груди, начал уже более страстно и глубоко целовать ее. Она не отталкивала его. Обвив его шею руками, Лиза вся подалась ему навстречу. Ощувив ответный порыв, Корнилов окончательно потерял голову и начал отчаянно и неистово целовать ее, чувствуя дикий восторг от того, что Лиза так же, как и он, жаждет этого.

Снаружи послышались голоса Стефы и Никитки. Павел, словно опомнившись, отпустил ее губы, но объятия не ослабил. Глаза девушки, покрытые туманной поволокой ответной страсти, не отрываясь смотрели в темные, горящие от любовного угара и вожделения глаза молодого человека.

– Приходите сегодня ночью к реке, – срывающимся от страсти голосом прохрипел Павел, пожирая взглядом ее прелестное лицо. – К излучине... где овраг... придете?

Лиза долго молчала, проникновенно смотря в лицо молодого человека, и ощущала, что в этот момент времени она не просто влюблена в этого мужчину, а безумно любит его.

– Вы придете? – нетерпеливо, с настойчивостью спросил Корнилов, слыша, как хлопнула входная дверь.

– Да... – очень тихо, одними губами прошептала Лиза, опуская глаза, не в силах выдержать напряженный, вопрошающий взгляд, в котором после ее согласия запылала тьма. Она попыталась высвободиться из его объятий, так как отчетливо слышала, что в горницу вот-вот войдут. Павел понял ее, быстро освободил из своих объятий и уже тише почти приказал:

– Я буду ждать вас после полуночи...

Она отвернулась от него и быстро отошла на несколько шагов. Тотчас в горницу вошла Стефа и подозрительно оглядела высокую фигуру Павла, который замер в напряженной, слишком вызывающей позе и не спускал темного взора с девушки, стоявшей у окна. Переведя взор на Лизу, хозяйка заметила чересчур румяное лицо девушки и нервно теребящие оборку платья пальцы.

Глава X. Свидание

Весь оставшийся вечер, когда Корнилов быстро ретировался, едва Стефа и Никитка вернулись с поля, Лиза была молчалива и задумчива. Она напряженно думала о предстоящем свидании, которое назначил ей Павел у реки ночью. Лиза предполагала, чем могло закончиться это свидание, и отчетливо понимала, что не должна туда идти. Но чувство неистовой любви к Корнилову не покидало Лизу и бредило все ее мысли.

Терзаемая, трепещущая, несчастная и счастливая одновременно, Лиза встала с постели около полуночи. Все домочадцы давно уже спали. Но девушка, почти два часа проворочавшись на постели, так и не смогла уснуть. Еще вечером, решив все же не ходить на свидание к Корнилову, Лиза приняла решение лечь спать и забыть, что пообещала молодому человеку. Но осознание того, что в этот момент он там, ждет ее в лесу, не давало ей покоя и бредило душу. Всеми фибрами души она жаждала пойти к нему и вновь ощутить притягательную силу и сладость его близости, но совесть не давала сделать этого. Не в силах более думать об этом, чувствуя, как сердце наполняется огнем лишь от одной мысли о Павле, девушка проворно надела свое самое лучшее платье, одно из трех, в которые еще ни разу не наряжалась. Платье было очень тонким, с прелестной вышивкой по лифу и широкой лентой под грудью. Светло-серебристое, с короткими рукавами и оборкой по низу, оно было слишком праздничным и легким для ношения в военном лагере или здесь, в деревне. Но теперь, охваченная лишь чувством неистовой влюбленности, Лиза специально надела его, чтобы стать еще прекраснее для Павла. Она прошлась щеткой для волос по золотым прядям и стянула их тонкой белой лентой, собрав в толстый хвост. Накинув на плечи темный широкий платок, что дала ей Стефа, Лиза оправила платье. Уже через миг она распахнула окно и, встав на стул, умело вылезла наружу, чуть прикрыв ставни, чтобы никто не заметил, что в ее комнате никого нет.

Очень быстро она добежала до окраины деревни и направилась в сторону леса. Лиза прекрасно знала, куда идти. Ибо несколько раз ходила к реке с Никиткой на рыбалку по утрам. Было темно, но яркая луна и звезды освещали ей путь, и девушка отчетливо видела все вокруг. Небольшой пролесок отделял ее от реки, и она с замирающим сердцем пробежала почти его половину. В этот миг ее вновь пронзила яростная мысль о том, что у нее есть муж. Ее ноги резко притормозили. Она пошла уже более тихими медленными шагами, нахмурившись и вновь думая только о том, что недопустимо идти на свидание с Корниловым, потому что это грех. Однако неистовое чувство любви к Павлу вновь наполнило ее сердце. Лиза знала только одно, что она должна стать счастливой хотя бы на миг, хотя бы на час, хотя бы на несколько дней, дабы потом вернуться к ненавистному мужу и прозябать свою жизнь в тоске и печали.

Она почти дошла до реки, когда увидела на берегу очертания высокой фигуры Павла. Он стоял, отвернувшись, заложив руки за спину. Лиза, мгновенно испугавшись своей смелости, немедленно спряталась за дерево, прислонившись спиной к высокому стволу сосны. Задрвав лицо вверх, она пронзительно посмотрела на далекие звезды.

– Нет, я не могу... – прошептала она сама себе. – Это нехорошо...

Страх и осознание того, что она делает нечто ужасно недозволенное, завладело девушкой. Но безумное чувство любви к молодому человеку, который ждал ее, неистовое желание вновь ощутить его губы, снова прижаться к его сильной молодой груди, услышать его соблазнительный голос начало разрывать ей сердце. Она не могла решиться и в то же самое время отчаянно желала упасть в его объятия.

Высокая фигура появилась перед ней неожиданно. Лиза едва не вскрикнула от испуга, но сразу же прикрыла рот, видя приветливое лицо Корнилова перед собой.

– Вы слышали меня? – пролепетала она, когда он приблизился к ней вплотную.

– Я же разведчик, моя ласточка, – проворковал он, очень осторожно проведя кончиками пальцев по светлой пряди волос, выпавшей из ее хвоста. Она отчетливо увидела его белозубую улыбку в темноте.

– Наверное, мне не следовало приходить, – начала лепетать Лиза, ощущая, что последние мысли о том, что ей здесь не место, оставляют сознание.

Корнилов тотчас стал серьезным. Нет, Павел не собирался ее отпускать. Он так долго жаждал эту девушку, так вожделел ее, что теперь, когда она пришла, он вовсе не собирался давать ей повод к отступлению. Он видел в ее сверкающих глазах сомнение и желание одновременно. Он спас ее тогда, ухаживал за ней и оберегал. Нет, в этот миг она по праву принадлежала только ему. Дикая мысль о том, что ее близость нужна ему сейчас, словно спасительный воздух, затуманила разум Корнилова, и он без предисловий стиснул девушку в объятьях и стремительно овладел ее губами, дабы она позабыла свои сомнения.

Лишь первую минуту Лиза стояла неподвижно. Но потом, чувствуя, как от его прикосновений и близости кровь дико побежала по жилам, она обвила мощную шею молодого человека ручками и ответила на его поцелуй. Ей показалось, что он зарычал, и тут же его сильные руки подняли ее, прижимая к широкой груди. На руках Корнилов быстро понес ее к реке и уже через миг опустил на мягкую траву у небольшого выступа у воды. Проворно стянув со своих плеч легкий плащ, он кинул его на траву. Протянув руки к Лизе, Павел вновь заключил ее в свои объятия, осторожно опуская девушку на плащ.

В следующий миг он схватил ее голову ладонями и впился в губы. «Какие сладкие», – подумал он про себя. Обвив его шею руками, Лиза чувствовала, что его губы не ласкают, а скорее мучают ее. Он медленно, настойчиво опустился на нее, невольно заставляя Лизу лечь. Павел чуть отстранился, и его руки начали проворно, едва не обрывая пуговицы на ее груди, расстегивать ее платье. Уже через миг Корнилов стянул с нее платье и нижнюю юбку, полностью обнажая девушку. Отложив тонкую ткань в сторону и сняв с Лизы ботиночки, он, так и оставшись стоять на коленях над нею, пробежал восхищенным взглядом по ее прелестному обнаженному юному телу. Все еще боясь поверить в реальность происходящего, молодой человек ошалело протянул руку к ее плоскому животу и, надавив на упругую плоть, провел ладонью до ее груди. Его пальцы с силой сжали полную упругую грудь. От возбуждения Павел тяжело дышал. Увидев его безумный взгляд, Лиза улыбнулась и, чуть прикрыв веки, прошептала:

– Милый...

После этого Павел окончательно потерял голову. Он рывками начал стаскивать с себя доломан и кушак. И уже через минуту вновь опустился на девушку, и его властные губы стремительно завладели ее ртом. Она ощущала его руки на своей груди, животе, плечах. Они ласкали, сжимали и терзали ее тело с такой силой, что она почти не могла дышать от его натиска. Губы его покрывали обжигающими поцелуями ее щеки, шею. Чувствуя, что ее тело горит под неистовыми ласками, Лиза закрыла глаза.

В какой-то миг молодой человек перестал контролировать себя, и его губы уже с ожесточением начали впиваться в ее нежный рот. Он почувствовал, что еще немного, и он просто умрет от желания, которое достигло пика. Павла всего трясло. Вдруг Лиза начала вырываться из его рук. Почувствовав кровь во рту, молодой человек осознал, что в порыве страсти он прокусил ее губу. В тот же миг придя в себя, он чуть отстранился от девушки и прохрипел над ее лицом:

– Простите, я не хотел...

Ненормальным шальным взглядом он посмотрел на прекрасное разруганное личико Лизы. Ее волосы были растрепаны, глаза горели зеленым огнем. На ее губе он увидел небольшую ранку.

Пытаясь отдышаться, Лиза закусила укушенную губу. Ошарашенно девушка смотрела на молодого человека, который нависал над нею, как будто не понимая, что произошло. Его горячее дыхание опаляло и в то же время возбуждало ее.

Чуть отстранившись, Корнилов начал стягивать с себя рубашку, рейтузы и сапоги, и уже через миг Лиза почувствовала, как его руки опустились ниже и начали гладить ее бедра. Через стиснутые зубы молодого человека вырывались звуки, похожие на рычание. Он вновь накрыл ее своим телом и властно раздвинул ее ноги. Заняв место между ее бедер, он впился губами в рот девушки, неистово и страстно. Сильная рука, сжав ее упругую коленку, отвела ее в сторону. В следующее мгновение Лиза широко распахнула глаза, почувствовав боль в промежности. Она застонала под ним, но Павел, казалось, не услышал. Он, отпустив ее губы и чуть приподнявшись на руках, напряженно смотрел в ее лицо, совершая свои стремительные движения, обжигая ее лицо горячим дыханием. Лиза закрыла глаза, не в силах более выдержать поглощающий темный взгляд молодого человека, чувствуя сильное мощное давление на свое лоно, причиняющее ей неприятные болевые ощущения. Он сделал еще несколько движений и замер.

Лиза лежала неподвижно. Павел, уткнувшись лицом в шею девушки, пытался успокоить свое дыхание. Едва придя в себя, Корнилов чуть отстранился от Лизы и, опираясь на локоть, прошелся восхищенным взглядом по ее лицу с закрытыми глазами, словно изучая каждую черточку. Лиза наконец открыла глаза и смутилась от его поглощающего сильного взора.

– Больно? – спросил тихо молодой человек. Лиза посмотрела в его напряженное от страсти лицо. Она отрицательно покачала головой, с любовью рассматривая его широкие плечи, которые нависали над ней. – В следующий раз будет лучше, обещаю, – сказал, оправдываясь, Павел. – Я просто перевозбудился.

Он прикоснулся пальцем к ее распухшим от поцелуев губам. Затем его рука переместилась на ее волосы, ласково перебирая и глядя золотистые локоны девушки. Он приподнялся на локте и окинул взором ее обнаженное тело. Рука молодого человека легла на плечо Лизы и начала двигаться вниз, лаская ее грудь, живот и бедра, изучая каждый уголок совершенного обнаженного тела.

– Ты красавица, – прошептал он вдохновенно и, наклонив голову, поцеловал ее в плечо.

Восторг, упоение и невероятное удовольствие от близости девушки наполнило существо молодого человека, и Корнилов понял, что не просто любит, а боготворит эту прелестницу.

Он уже хотел произнести магические слова любви, как Лиза засуетилась.

Невероятное смущение из-за того, что сейчас произошло, овладело Лизой. Она оттолкнула его руку и резко села, скрестив тонкие руки на обнаженной полной груди. Чуть согнув в коленках стройные ноги, она в ту же минуту почувствовала, что между ее ног невероятно мокро. Опустив взор вниз, она невзначай провела рукой между своих бедер и в ярком свете луны отчетливо увидела на пальцах темную жидкость.

– Что это? – опешила она, обращаясь скорее к самой себе, чем к нему.

Корнилов, тут же привстав на коленях, склонился над нею и глухо произнес:

– Кровь... Так и должно быть...

– Кровь? – опешила Лиза и подняла на него непонимающий взор.

– Вы были девушкой... – тихо объяснил Павел. – Разве вы не знали, что в первый раз при... этом бывает кровь? – он говорил это, не веря в то, что Лиза так невинна, что не знает об этом.

– Няня никогда не говорила мне об этом, – пролепетала она. Павел же, не в силах выдержать ее прелестный и невинный взор, протянул к ней руки и, заключив девушку в объятия, глухо заволашевающе произнес:

– Все будет хорошо, моя ласточка, иначе не может быть...

В следующий миг Корнилов поднялся на ноги, увлекая за собой обнаженную девушку. Подхватив ее на руки, он быстро направился к реке. Уже через миг молодой человек очень

осторожно опустил Лизу в теплую проточную воду, поставив ее на ноги. Вода в этом месте достигала низа бедер девушки. Встав перед Лизой в воду на колени, Павел начал ласково обмывать ее бедра руками, отмывая их от крови. Лиза, дрожащая, опьяненная и трепещущая, смотрела на широкие мощные плечи Павла, что были чуть ниже ее лица, и словно во сне ощущала, как его ласковые большие пальцы нежно прикасаются к внутренней стороне ее ног. Смушение Лизы достигло крайнего предела, и уже через несколько минут она попыталась отстраниться от него. Но молодой человек, угадав ее порыв, поднялся на ноги и сильной рукой притянул ее к себе. В исступлении прижав девушку к своей груди, он страстно поцеловал ее в висок. У Лизы подкосились ноги, и она вынужденно ухватилась за его плечи, прикикая к широкому мощному торсу.

– Отныне ты моя... навсегда... – словно приговор, произнес глухо Павел, вновь овладевая ее сладкими губами. Лиза, уже совершенно опьяненная от его близости, словно в чарующем дурманном сне, поддалась его страсти и напору, чувствуя, что желает подчиниться железной воле Корнилова.

Страстное желание вновь завладело существом Павла. И он с неистовством вновь начал целовать податливые полные губы Лизы, сжимая нетерпеливыми сильными руками ее тонкую талию. Через какое-то время молодой человек снова опустился на колени перед ней, и вода покрыла его по бедра. Руки и губы Корнилова переместились на грудь, живот и ягодицы девушки, яростно и дико впиваясь в нежные совершенные изгибы девственного тела. Спустя некоторое время после страстных ласк он сел на колени в воде и властно усадил девушку к себе на бедра, разводя ее стройные ноги по сторонам от своих чресл. Она оказалась лицом к нему, и его губы впились в ее ушко, одновременно лаская и терзая его. Лиза, подчиняясь его призыву, обвила бедра молодого человека ногами, схватившись ручками за его плечи, и прикикла губами к мощной шее. Чувствуя, как его ладони стискивают ее ягодицы в неистовом порыве страсти, она поняла, что он вновь желает близости.

В самый момент соития Лиза, распахнув глаза, отчетливо ощутила, что ей неприятно между ног от его мощного давления. Но, видя его желание и чувствуя яростные ласки, она все равно хотела угодить ему. Лаская пальцами его короткие мягкие волосы, Лиза сама целовала его лицо, стараясь не замечать неприятные ощущения в промежности, которые он причинял ей своим напором. Его ладони мощно направляли ее бедра в ритм его движений, убыстряя темп соития.

В какой-то миг Корнилов, обхватив ее голову рукой и утопив пальцы в густых шелковых волосах, заставил смотреть девушку на себя. Лиза утонула в его страстном поглощающем взоре, который был затуманен нежностью и похотью, ощущая, что готова отдать этому мужчине все, что у нее есть...

Они вернулась на рассвете. Павел на своем жеребце довез девушку до избы Стефании. Он спустил Лизу на землю и спешил сам. Перед калиткой он вновь обнял девушку очень нежно и ласково. На прощание поцеловав ее в губы, он спросил:

– Вы будете меня ждать, Елизавета Андреевна? – Лиза отчего-то вновь смутилась под его горящим будоражающим взором и лишь кивнула. – Пospите немного, – произнес Корнилов властно, но мягко, лаская своими пальцами ее щеку. – Я в штаб. Поутру вновь будет большое сражение. Далеко от дома не ходите. Это опасно. Как только смогу, сразу приеду...

Лиза смотрела на него, и в ее голове все явственнее звучала мысль о том, что она не может более оставаться здесь. Она и так в эту ночь перешла грань дозволенного и в данный момент чувствовала, что ее долг как можно скорее одуматься и перестать жить одними чувствами, которые могли разрушить ее жизнь и обнаружить ее позорное падение. У нее был муж, и то, что произошло этой ночью между ней и Корниловым, не должно было свершиться, нервно думала она.

Молодой человек уже хотел отойти от нее, но Лиза удержала его за локоть.

– Павел Александрович...

– Да? – ласково произнес он, вновь повернувшись к ней.

– Я уже вполне здорова, – сказала Лиза, внимательно глядя на его мужественное жесткое лицо. – Если бы вы нашли мне лошадь, я бы смогла уехать и разыскать брата сама, чтобы более не быть вам в тягость.

– Что за очередная глупость? – выпалил Корнилов в сердцах. – К чему вы вновь завели этот разговор? Куда вы собрались ехать? Вы разве знаете, где ваш брат?

– Нет. Но вы говорили, что он, возможно, в Смоленске.

– И что же? Это было неделю назад! – вымолвил Павел, повышая голос и сверкая на девушку глазами. – Армия отступает. Одному Богу известно, где ныне находится ваш брат, тем более вам одной опасно ехать. Я уже говорил вам об этом. А я не могу надолго оставить полк, чтобы сопроводить вас.

– Но я думаю...

– Вы специально создаете мне неудобства?! – уже зло вспыхнул молодой человек, ощущая, что этот разговор причиняет ему душевную муку. Лишь предположение о том, что Лиза вдруг исчезнет из его жизни, вызвало в существе Корнилова такую бурю негодования, что он побледнел, а на его скулах заходили желваки. Ибо после сегодняшней ночи Павел полагал, что отныне жизнь Лизы должна проходить непосредственно с его участием, под его опекой и защитой. И ее речи о том, что она сама может куда-то поехать, видимо, без сожаления оставив его здесь, вызвали в сердце Корнилова сильный гнев.

– Я вовсе не хотела этого, – опешила Лиза и чуть отодвинулась от него, видя, как его серо-зеленые яркие глаза зажглись опасным неприятным светом.

– Тогда прекращайте эти разговоры, сударыня, и отправляйтесь спать, – властно и жестко заявил Корнилов, недовольно смотря в огромные глаза девушки. – Я сказал, как только ваш брат придет за вами, я со спокойной совестью передам вас ему в руки. Вы все поняли, Елизавета Андреевна?

– Да, – кивнула она.

Павел немедленно сгреб девушку в охапку и, прикинув губами к ее виску, прошептал:

– Вот и чудесно, моя ласточка. А пока ступайте... мне должно уже быть в полку...

Он быстро поцеловал ее в лоб и направился к своему коню. Умело вскочив в седло, он еще раз бросил строгий и ласковый взгляд на стройную фигурку Лизы в серебристом платье и темном платке и, быстро нахлобучив кивер на голову, развернул коня и во весь опор поскакал по направлению к лагерю русских.

Лиза долго смотрела вслед молодому человеку, не зная, что ей делать дальше. Она была вполне здорова. И просто так сидеть без дела и дожидаться, пока Корнилов будет наездами навещать ее, не считала правильным. Тем более Петр никак не отвечал на письмо. Это тяготило ее. Она пребывала в противоречивых чувствах. С одной стороны, она хотела остаться здесь, в деревне, как и велел ей Павел. А с другой – она понимала, что должна поехать разыскивать любимого брата и удостовериться, что с Петром все в порядке. А после, как и должно замужней женщине, вернуться в Петербург.

Тихо войдя в избу и миновав сени, девушка заглянула в горницу. И тотчас наткнулась на Стефу, которая возилась у плиты. На шаги девушки женщина обернулась и, странно оглядев Лизу с головы до ног, проворчала:

– И что вам не спится по ночам, барышня?

– Ты так рано поднялась, Стефа? – спросила Лиза, проходя в горницу и снимая с плеч платок.

– Так рассвет уж. Надобно скотину накормить да корову подоить.

– Я отдохну немного, а потом помогу по хозяйству, – сказала Лиза и прошла в свою комнатку. Она уже начала раздеваться около постели, как услышала шаги Стефы за спиной.

– Жениться-то он хоть обещал? – спросила вдруг баба.

Руки Лизы замерли на воротах платья, и она обернулась к хозяйке.

– Ты о чем? – опешила Лиза.

Стефа, подбочившись, по-матерински заметила:

– Видела я вас теперича у калитки. Знаю я, чем вы занимались ночью с этим ротмистром, не вчера родилась. Так берет он вас замуж или нет?

– Он не говорил об этом, – пролепетала смущенно Лиза и, вспомнив про мужа, подумала о том, что, даже если бы Павел и сделал ей предложение, она бы все равно не смогла выйти за него. Лиза вновь начала расстегивать платье. – Да это и неважно...

– Я посмотрю, как это будет неважно, когда по весне ребеночек у вас народится.

– Кто? – вновь опешила Лиза, и руки ее вновь замерли.

– Только не говори, девка, что не знаешь, отчего дети берутся!

– Отчего же, знаю я, – насупилась Лиза и начала вновь расстегивать маленькие пуговицы, пытаясь отогнать от себя суровые и неприятные мысли, которые вихрем закружились в ее голове после слов Стефы.

– Значит, не женится. Все ясно, – вдруг вынесла вердикт баба, тяжело вздыхая. – Побаловался с вами, и все. Да уж, красивая вы больно, но глупая, как я погляжу.

– Не нужно так говорить, – пролепетала Лиза. – И не твое это дело.

– Вы правы, не мое. Но жалко мне вас, Елизавета Андреевна. Этот-то ловкач чистым из воды вышел, а на вас пятно останется. Должны вы поговорить с ним и сказать, что его долг жениться на вас. Тем более ему-то в жены вы как раз подходите. И дворяночка, и красавица, что ему еще-то надобно, не пойму?

– Не буду я с ним говорить об этом, – заметила тихо Лиза.

– Почему?

– Неудобно мне, – начала Лиза, думая о том, что разговор о замужестве с Павлом все равно ничего не даст, поскольку она уже замужем. Да она никогда и не решилась бы сказать ему об этом, ибо опасалась говорить с Корниловым первой о таких вещах. Слишком уж он был авторитарным, суровым и властным человеком.

– Ох и глупая вы, Елизавета Андреевна. Все же как мать за вас переживаю. Что ж делать-то будете?

– Что будет, то будет, – произнесла устало Лиза и стянула с себя платье.

Стефа покачала головой и оставила девушку одну. Надев рубашку, Лиза прилегла на подушку, прикрывая глаза и пытаясь забыть объятия и облик Павла, который вмиг возник в ее мыслях.

Она долго лежала без сна с закрытыми глазами и думала над словами Стефы. Действительно, отчего Павел не сделал ей предложение? Его напор, страсть и похоть до сих пор вспоминались девушкой, но она не могла понять, отчего он не предложил ей выйти за него замуж? Ей было неприятно это осознать, и она задумалась, отчего так произошло. И тут ее осенило. По всей видимости, Корнилов и не думал жениться на ней. Ведь он ни разу даже не намекнул на свадьбу. И тем не менее заманил ее к реке и овладел ею. Видимо, ему было выгодно так поступить, с горечью подумала она.

Лиза вдруг осознала, что сама во всем виновата. Она так неистово влюбилась и потеряла голову от близости молодого человека, что позволила ему все, что он хотел. Мало того, она терпела и второе соитие, когда ей было хотя и не больно, но все же неприятно, только чтобы доставить ему радость. Нет, порядочная девушка так бы никогда не поступила. Ни одна дворянка до брака не позволила бы близость с мужчиной. А она позволила. Да, она сделала это от отчаяния, так как знала, в Петербурге ее ждет старый ненавистный муж. Оттого близость с

Павлом для нее была единственной отрадой и, может быть, останется единственной близостью в ее жизни, от которой она испытала счастье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.